

М 99
695

Евг. Щепкинъ.

ПАДЕНІЕ КАНЦЛЕРА

ГРАФА

А. П. ВЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

(По новымъ даннымъ Копенгагенскаго и Вѣнскаго архивовъ).

Одесса.

«Экономическая» типографія и литографія, Почтовая, 43.

1901.

М $\frac{99}{695}$

Евг. Щепкинъ.

ПАДЕНІЕ КАНЦЛЕРА

ГРАФА

А. П. ВЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

(По новымъ даннымъ Копенгагенскаго и Вѣнскаго архивовъ).

Одесса.

«Экономическая» типографія и литографія, Почтовая, 43.

1901.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
Вице-президентъ А. Л. Бертъе-Деллардъ.
Секретарь А. И. Маркевичъ.

3

Среди русских государственных дѣятелей мало канцлеровъ съ громкимъ именемъ. Сильную вѣдѣнную политику Россіи направляли обыкновенно сами государи, а министры, вѣдавшіе иностранныя дѣла, бывали только ихъ послушными орудіями. Бестужевъ выдался именно тѣмъ, что онъ сумѣлъ выработать свою собственную политическую систему и проводить ее въ теченіе пятнадцати лѣтъ, сначала въ силу безграничнаго довѣрія императрицы, затѣмъ противъ ея желаній, опираясь на молодой дворъ, наконецъ вопреки волѣ и самой Елисаветы, и наследника престола Петра Ѳеодоровича при поддержкѣ одной только великой княгини. Но эта смѣлость, съ которой канцлеръ «нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался», въ концѣ концовъ и повела къ его паденію. Во вѣдѣнной политикѣ гр. Бестужевъ намѣчалъ себѣ двѣ главныя цѣли: съ одной стороны, онъ старался опираться на Австрію, Саксонію и морскія державы, т. е. Голландію и въ особенности Англію, чтобы противодѣйствовать вліянію Пруссіи и Франціи вездѣ, гдѣ были замѣшаны русскіе интересы, т. е. въ Швеціи, Польшѣ, Турціи; съ другой стороны канцлеръ стремился осуществить предложенный копенгагенскимъ дворомъ обмѣнъ великокняжеской части Голштиніи на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ и этимъ предупредить возможность, что русскіе интересы стануть въ будущемъ приноситься въ жертву голштинской политикѣ въ виду привязанности Петра Ѳеодоровича къ своему герцогству и его притязаній даже на Шлезвигъ. Вестминстерская союзная конвенція между Георгомъ II и Фридрихомъ II отдала англійскаго короля отъ императрицы Елисаветы и побудила ее рѣшиться на сближеніе съ Франціей. Это нанесло первый ударъ системѣ и положенію гр. Бестужева, который, во что-бы то ни стало, хотѣлъ удержать свои связи съ Великобританіей. Пристрастіе канцлера къ союзу съ морскими державами нашло себѣ сочувствіе у молодого двора, но зато его старанія осуществить голштинскій обмѣнъ разбились объ упрямство самого вели-

каго князя. Въ отличіе отъ обычнаго изложенія событій 1757—58 г.г. мы постараемся доказать, что паденіе канцлера Бестужева стало неизбѣжнымъ именно влѣдствіе того, что къ своему приему проводитъ англійскую полптку вопреки рѣшеніямъ императрицы онъ присоединилъ еще попытку осушествить обмѣнъ Голштиніи на графства противъ воли великаго князя.

Въ русской исторической литературѣ было высказано три авторитетныхъ взгляда на событія, непосредственно предшествовавшія паденію гр. Бестужева, т. е. на походъ фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина въ Восточную Пруссію въ 1757 году. С. М. Соловьевъ допускалъ, что Апраксину дѣйствительно не хотѣлось ѣхать къ войску изъ С.-Петербурга во время болѣзни Елисаветы осенью 1756 года. Ссылаясь на доступную только ему переписку Екатерины съ Уильямсомъ, историкъ рассказывалъ, что Апраксинъ даже присылалъ спрашивать великую княгиню — ѣхать-ли ему къ арміи, или оставаться, и получилъ въ отвѣтъ, что, если останется, то это будетъ знакомъ его преданности къ ней (Исторія Россіи, т. 24, стр. 98) И въ Ригѣ Апраксинъ, по мнѣнію С. М. Соловьева, вовсе не хотѣлъ торопиться походомъ. Онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что дѣло не дойдетъ до настоящей войны, что все ограничится прогулкой для возбужденія страха и ускоренія мира. Кромѣ того молодой дворъ былъ противъ войны, а идти наперекоръ наслѣднику престола и его супругѣ далеко не входило въ планы Апраксина, да и пріятель умница-канцлеръ на сторонѣ молодого двора и при прощаньи сказалъ, чтобъ въ походъ не выступать до тѣхъ поръ, пока все будетъ къ нему приготовлено. Фельдмаршалъ думалъ, что далеко еще не все приготовлено; съ чего-же канцлеръ взялъ торопить русское войско къ выступленію въ походъ — зимою, не дождавшись, что тамъ будетъ у прусскаго короля съ австрійцами? 17-го февраля Апраксинъ пишетъ къ Бестужеву въ сильномъ волненіи, говоритъ, что откажется отъ начальства войскомъ, и оканчивалъ вопросомъ, не переимѣнились ли канцлеръ своихъ мнѣній, ибо въ Петербургѣ мнѣнія Бестужева были извѣстны ему, Апраксину, и во всемъ согласны съ его собственными. Это письмо Апраксинъ отправилъ съ довѣреннымъ человѣкомъ генералъ-квартирмейстеромъ Веймарномъ, чтобъ тотъ хорошенько развѣдалъ у канцлера, зачѣмъ его такъ торопятъ. Въстѣ съ своимъ отвѣтомъ отъ 21-го февраля 1757 года Бестужевъ послалъ фельдмаршалу еще письмо великой княгини, въ которомъ она также просила Апраксина не медлить болѣе (Соловьевъ, т. 24, стр. 126—128, со ссылкой на Архивъ кн. Воронцова, кн. IV, и Слѣдственное дѣло о Бестужевѣ и Апраксинѣ).

Признавая для конца 1756 г. и начала 1757 г. существованіе соглашенія между Апраксинымъ, Бестужевымъ и великой княгиней Екатериной относительно того, чтобы медлить походомъ въ Восточную Пруссію, С. М. Соловьевъ зато отвергаетъ всякую связь между отступленіемъ фельдмаршала

послѣ побѣды при Гросс-Егерсдорфѣ и болѣзнью императрицы Елисаветы, припадокъ съ императрицею случился 8 сентября, а отступленіе рѣшено было на военномъ совѣтѣ 27-го августа; наконецъ, Апраксинъ ничего не дѣлалъ самъ собою, а только исполнялъ рѣшенія военныхъ совѣтовъ (*Ibidem*, стр. 181 и 195). Въ письмѣ изъ Нарвы отъ 14 декабря 1757 года на имя Елисаветы Апраксинъ въ свое оправданіе ссылался на мнѣніе генерала Фермора: «что и о возвращеніи нашемъ отъ Алленбурга я первому открылъ генералу Фермору и, посовѣтовавъ съ нимъ и не открывая никому, съ нимъ однимъ согласно сіе положи, созвалъ военной совѣтъ и, приглася полковниковъ, уже сіе предложеніе сдѣлалъ; почему и согласно отъ всѣхъ положено поворотить къ Тильзиту» (Архивъ кн. Воронцова, кн. IV, стр. 185). Дѣйствительно, запискою отъ 14 октября Ферморъ рѣшительно призналъ распоряженія фельдмаршала необходимыми. Но, по мнѣнію Соловьева, Апраксинъ не подвергался опалѣ за отступленіе: онъ былъ жертвою, принесенною для успокоенія союзниковъ. Главное-же дѣло состояло теперь въ перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ черезъ посредство канцлера (Ист. Россіи, т. 24, стр. 184). Слѣдуя донесеніямъ саксонскаго совѣтника посольства Прассе (*Herrmann, Geschichte des russischen Staats, B. V. Auszüge aus den Berichten des Legationsrathes Prasse. Petersburg, d. 31 Jan. 58*), Соловьевъ принимаетъ, что объ этой опасной перепискѣ впервые разгласилъ посоль Маріи Терезіи, гр. Эстергази, чтобы свергнуть гр. Бестужева за его пріязнь къ Англіи: Бестужевъ, получая письма отъ Екатерины для пересылки Апраксину, показывалъ ихъ саксонскому совѣтнику посольства Прассе и пріѣзжавшему въ Петербургъ австрійскому генералу Буккову для успокоенія ихъ насчетъ добраго расположенія молодого двора къ общему дѣлу, потому что въ нихъ Екатерина убѣждала Апраксина спѣшить походомъ. Букковъ рассказалъ объ этихъ письмахъ Эстергази, и теперь, когда захотѣли повредить Апраксину и Бестужеву вмѣстѣ, Эстергази сообщилъ объ этой перепискѣ великой княгини съ фельдмаршаломъ самой императрицѣ, представивъ это дѣло очень опаснымъ (Исторія Россіи, т. 24, стр. 182—183). Пользуясь донесеніями гр. Эстергази, приведенными А. Шеферомъ въ «Исторіи Семилѣтней войны» (*Arnold Schaefer, Geschichte des siebenjährigen Krieges, B. II, Abth. 1. S. 545. Beilagen, Esterhazy's Bericht, 19 April 1758*), Соловьевъ прибавляетъ еще рассказъ о томъ, какъ великій князь обратился къ австрійскому послу съ жалобами на канцлера, а Эстергази далъ ему совѣтъ обратиться прямо къ императрицѣ; Елисавета была очень тронута, что племянникъ обратился къ ней по родственному, и Петръ, раскаиваясь въ прошедшемъ своемъ поведеніи, складывалъ всю вину на дурные совѣты, а дурнымъ совѣтникомъ оказался Бестужевъ.

Эти выводы профессора С. М. Соловьева были подвергнуты подробной, но несправедливой критикѣ военнымъ историкомъ полковникомъ

Масловскимъ («Русская Армія въ Семилѣтнюю войну», Приложенія къ вып. 1-му, стр. 14 — 33). Масловскій отвергаетъ положеніе Соловьева, что Апраксинъ вовсе не хотѣлъ торопиться походомъ и т. д., и замѣчаетъ: «столь существенно важное заключеніе почтеннаго историка неизвѣстно на чемъ основано. Ни авторъ исторіи Россіи, ни кто другой не доказываютъ этого убѣдительными доводами и, конечно, ни на какой документъ ссылки не могутъ сдѣлать». Въ дѣйствительности С. М. Соловьевъ ссылается на извѣстную только ему переписку Екатерины съ посломъ Уильямсомъ для изображенія сношеній между Апраксинымъ и вел. княгиней осенью 1756 г.; Масловскій самъ ссылается на эти выдержки у Соловьева, говоря о томъ, какъ Апраксинъ жаловался императрицѣ на плохое состояніе войска. (Сравни Масловскій, вып. I, стр. 166, и Соловьевъ, т. 24, стр. 98). Мы не можемъ рѣшить заочно, насколько безусловно надеженъ источникъ Соловьева, сообщающій, будто бы великая княгиня Екатерина задерживала Апраксина въ С.-Петербургѣ, но нѣсколько другихъ источниковъ подтверждаютъ мнѣніе историка, что въ виду болѣзни императрицы между гр. Бестужевымъ, фм. Апраксинымъ и вел. княгиней Екатериной до конца января 1757 года существовало соглашеніе задержать начало похода въ Пруссію. Сама Екатерина въ своихъ Мемуарахъ рассказываетъ о бесѣдѣ съ женой Апраксина передъ отъѣздомъ фельдмаршала и его семьи въ Ригу. Великая княгиня говорила Апраксиной о тревогѣ, которую внушала ей болѣзненность Елисаветы, сожалѣла, что фельдмаршалъ уѣзжаетъ въ такое время, когда Екатерина не вполне можетъ полагаться на Шуваловыхъ, враждебныхъ ей лично. Апраксина передала все это своему супругу, и фельдмаршалъ былъ доволенъ расположеніемъ къ нему великой княгини; радъ этому былъ и канцлеръ Бестужевъ, который не любилъ Шуваловыхъ и дружилъ съ Разумовскими. Фельдмаршалъ могъ быть полезнымъ посредникомъ между всѣми этими лицами, такъ какъ его дочь (по мужу княгиня Куракина) была въ связи съ графомъ Петромъ Шуваловымъ; позднѣе, говоря объ отступленіи Апраксина, Екатерина ссылается на этотъ рассказъ и замѣчаетъ, что фельдмаршалъ считалъ свое присутствіе въ Россіи необходимымъ. По донесеніямъ Уильямса, канцлеръ открыто признавался англійскому послу, что это онъ задержалъ отъѣздъ Апраксина изъ С.-Петербурга и что онъ и впредь будетъ продолжать служить своимъ друзьямъ (v. Raumer, Beiträge, zur neueren Geschichte, Th. II S. 407). По донесеніямъ Прассе, гр. Бестужевъ утверждалъ саксонскому совѣтнику посольства, что фм. Апраксинъ, зная прусскія симпатіи молодого двора, будто-бы нарочно не торопился походомъ, дабы не раздражить противъ себя великаго князя и вел. княгиню; но теперь гр. Понятовскому удалось измѣнить настроеніе молодого двора, и это скажется въ болѣе быстромъ движеніи впередъ фельдмаршала и его арміи. (Донесеніе Прассе отъ 13 февраля 1757 года у Herrmann'a Sächsisch-polnische Beziehungen

während des siebenjährigen Krieges zum russischen Hof, Preussische Jahrbücher, B. 47, S. 576). Наконецъ, и самъ Апраксинъ въ письмѣ къ Бестужеву отъ 17 февраля 1757 года говорилъ о перемѣнѣ сентиментовъ канцлера. Далѣе Масловскій ставитъ С. М. Соловьеву въ упрекъ, что, трагтя о причинахъ, почему Апраксинъ не выступилъ въ походъ въ 1756 году, профессоръ не принялъ даже въ соображеніе инструкціи Елисаветы, данной фельдмаршалу 5-го октября 1756 года. Но военный историкъ самъ неточно изложилъ, а потому и невѣрно оцѣнилъ эту инструкцію (Сравни Архивъ кн. Воронцова, ч. 3, стр. 508 и «Русская Армія въ Семилѣтнюю войну», вып. 1, стр. 164—166). Масловскій старается доказать, что инструкція для Апраксина отъ 5 октября 1756 года, полна противорѣчій, что по этой инструкціи русской арміи слѣдовало въ одно и то же время и идти, и стоять на мѣстѣ. Военный историкъ считаетъ ошибкой фельдмаршала, что онъ принялъ инструкцію, которой не могъ исполнить, и самъ-же оправдываетъ его тѣмъ, что Апраксинъ имѣлъ въ виду дѣйствовать самостоятельно. Но въ сущности инструкція 5-го октября для внимательнаго читателя совершенно ясна. По § 9-ому Апраксинъ долженъ былъ предпринять походъ «наискорѣе по прибытіи въ Ригу», введя войска въ Курляндію и Польскую Лифляндію. Никакого нападенія со стороны пруссаковъ конференція не ждала. Вся армія своимъ расположеніемъ должна была имѣть такой видъ, «что для васъ все равно, прямо-ли на Пруссію, или влѣво чрезъ всю Польшу въ Силезію маршировать». (§§ 10 и 11). Апраксинъ и самъ долженъ былъ отправиться въ Польшу (§ 14). «Дальнѣйшее ваше движеніе будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ отъ насъ вамъ впредь присылаемыхъ указовъ» (§ 32). «Когда вы, нынѣшнею-ли зимою, или уже будущею весною, къ прусскимъ границамъ приблизитесь» и т. д. (§ 33). «До будущей весны хотя и не признается за удобно всею вашей командѣ поручаемою арміей дѣйствовать противу Пруссіи, или какой городъ атаковать, однакожь, ежели-бы вы удобный случай усмотрѣли какой-либо знатной поискъ надъ войсками его надежно учинить или какую крѣпостію овладѣть, то... изъ рукъ не упустите» (§ 35). «Вы теперь малыми корпусами только на малое отъ Нашихъ границъ разстояніе выстухите, дальнѣйшій-же походъ только въ то время предпримется, когда вручаемая въ команду вашу армія вся соберется» (§ 36). Апраксинъ долженъ былъ взять для арміи провіанта съ собою на двѣ недѣли (§ 23), а для возки его за границую выписывать курляндскія и польскія подводы съ упряжкою «съ обѣщаніемъ исправной за все платы и съ объявленіемъ, что въ противномъ случаѣ вы съ сожалѣніемъ принуждены будете брать оныхъ силою» (§ 24). «Надежить вамъ, ежели закупкою исправиться нельзя было-бъ, провіантъ и фуражъ въ Польшѣ выписывать такимъ-же образомъ, какъ выше о подводахъ упомянуто» (§ 25). Если-бы не хватало наличныхъ денегъ, то походный комиссаріатъ и генералы-провіантъ-

мейстеры-лейтенанты могли давать ассигнаціи на Рижскую, Смоленскую и Кіевскую Губернскія Канцеляріи (§ 26). Итакъ, инструкція очень ясно предписывала фельдмаршалу перевести свою армію еще въ 1756 году въ предѣлы Польши, чтобы быть поближе къ границамъ Пруссіи, и организовать систему продовольствія приблизительно такъ-же, какъ это было сдѣлано зимой 1759—60 г.г. (См. Масловскій, вып. III, стр. 216), когда нашли необходимымъ гораздо шире воспользоваться средствами Рѣчи Посполитой, отказавшись отъ щепетильнаго къ нимъ отношенія. Вотъ этотъ-то зимній походъ въ Польшу и затянулъ Апраксинъ свѣдома канцлера въ угоду молодому двору; благодаря этому предположенное вторженіе главныхъ силъ въ Пруссію совершилось не весной и даже не въ началѣ лѣта, а лишь къ концу его. Отъ этого упрека Масловскій не могъ защитить фельдмаршала и напрасно толкуетъ дѣло такъ, какъ будто-бы отъ Апраксина требовали зимняго похода прямо въ Восточную Пруссію. Зато Масловскій принимаетъ положеніе С. М. Соловьева, что между припадкомъ съ императрицей 8-го сентября и отступленіемъ арміи 28-го августа, разумѣется, не могло быть никакой связи. Однако, военный историкъ напоминаетъ при этомъ, что на совѣтѣ 27-го августа было рѣшено отойти только къ Тильзиту съ тѣмъ, чтобы осенью-же перейти въ наступленіе на Лабіаву; самыя-же важныя (по своимъ послѣдствіямъ) рѣшенія военныхъ совѣтовъ относятся къ 13-му и 28-му сентября, когда было постановлено отступить за Нѣманъ и идти на зимнія квартиры. Такимъ образомъ, если-бы дѣйствительно была интрига, то Бестужевъ или гр. Петръ Шуваловъ черезъ княгиню Куракину (предположеніе Мемуаровъ Екатерины II) имѣли возможность дать знать Апраксину о болѣзни императрицы, (напримѣръ, извѣстіе о побѣдѣ при Гроссъ-Егерсдорфѣ 19 августа привезено въ Царское Село вечеромъ 27-го августа). Но, по изслѣдованію Масловскаго, нелѣпность этихъ слуховъ опровергается разсмотрѣніемъ того стратегическаго (въ обширномъ смыслѣ) положенія, въ которомъ находилась русская армія («Русская армія въ Семилѣтнюю войну», вып. I, стр. 311); военный историкъ признаетъ безусловно необходимыми всѣ стадіи отступления фельдмаршала на Тильзитъ, за Нѣманъ, къ Мемелю.

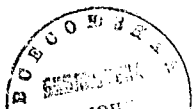
Третій авторитетный взглядъ на событія, предшествовавшія паденію Бестужева, высказанъ В. Бильбасовымъ въ «Исторіи Екатерины II» (томъ I-й). По Бильбасову, Уильямъ ошибался относительно прусскихъ симпатій Екатерины. Желая увѣрить Фридриха II въ склонности великой княгини къ Пруссіи, англійскій посоль будто-бы сообщалъ въ своихъ донесеніяхъ о такихъ письмахъ къ нему Екатерины, которыхъ она никогда не писала и писать не могла. Письмо великой княгини къ Уильямсу о планахъ Апраксина (*Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen*, B. XIV, № 8508, Уильямсъ Митчеллю отъ 18 декабря 1756 г.) Бильбасовъ объ-

являетъ подложнымъ, а заключающееся въ немъ извѣстiе о намѣренiи Апраксина идти походомъ не въ Восточную Пруссию, а въ Силезію — вздорнымъ слухомъ. Фельдмаршалъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 30-го октября: ночью съ 29-го на 30-е число мѣсяца долженъ былъ происходить разговоръ Апраксина съ великой княгиней; 30-го октября Екатерина будто-бы прислала Уильямсу письмо. Почему-же англійскій посолъ сообщаетъ о немъ только въ декабрѣ? Бильбасовъ самъ отвѣчаетъ на поставленный имъ вопросъ такъ: въ началѣ декабря разсматривались въ конференціи различные планы военныхъ дѣйствій; Уильямсъ почерпнулъ отсюда свой слухъ о походѣ въ Силезію и приписалъ его выдуманному имъ письму Екатерины. Все это разсужденіе В. Бильбасова сначала до конца крайне произвольно и мало правдоподобно. Посолъ не могъ поддѣлывать или выдумывать писемъ особы царствующаго дома; и резидентъ Вульфъ, и преемникъ Уильямса Кейтъ всегда могли провѣрить подобныя донесенія и изболочить посла передъ его правительствомъ въ Лондонѣ или великой княгиней въ С.-Петербургѣ. Между Уильямсомъ и Екатериной несомнѣнно существовала переписка (см., напр., у Раумера, I. с. S. 408, очень интимное письмо отъ великой княгини 9 ноября нов. ст. 1756 г.). Переписка эта свидѣтельствуетъ о такой близости и единомыслии между ними, что сообщеніе новостей, которыя Екатерина узнавала къ тому-же не какъ офиціальное лицо, а частнымъ образомъ, не удивительно. Черезъ Уильямса англійскій король ссужалъ великой княгинѣ деньги, чтобы она могла противодѣйствовать въ С.-Петербургѣ французскому вліянію; 8-го августа 1756 года король согласился на ссуду ей 20 тысячъ дукатовъ (Раумер I. с. S.S. 347—348. Сравни «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т. VII, гдѣ двѣ расписки Екатерины на тысячу дукатовъ и на 44 тысячи рублей). Наконецъ, отвергая наличность прусскихъ симпатій у великой княгини, Бильбасовъ самъ признаетъ ея сочувствіе къ союзу съ Англіей; въ письмѣ къ Уильямсу отъ 19 августа 1757 года Екатерина выражаетъ желаніе вернуть русскую политику на этотъ путь (Раумер, I. с., S. 451). Къ тому-же великая княгиня задерживала Апраксина въ С.-Петербургѣ во время болѣзни императрицы, какъ преданнаго ей челоуѣка, а не по соображеніямъ внѣшней политики. Въ «Политической перепискѣ Фридриха II» напечатано нѣсколько писемъ Уильямса къ Митчеллю, и всѣ они связаны между собою. Въ письмѣ отъ 11 ноября 1756 года (Pol. Cor., V. XIV, № 8373) англійскій посолъ сообщаетъ о болѣзни Елисаветы и предсказываетъ, что смерть императрицы измѣнитъ политику русскаго двора; далѣе Уильямсъ излагаетъ содержаніе письма къ нему Екатерины отъ 9-го ноября, напечатаннаго у Раумера, о томъ, что въ виду болѣзни императрицы Шуваловы просили у великой княгини покровительства въ будущемъ и предлагали ей зато свои услуги въ настоящемъ. Уже въ этомъ письмѣ къ Митчеллю посолъ очевидно воспользовался и запиской Екатерины отъ 30-го октября

стар. ст. (сравни слова въ письмѣ Уильямса отъ 11-го ноября нов. ст.: «Aragin, en prenant congé, dit à la Grande-Duchesse qu'il était envoyé à Riga pour prendre le commandement d'une armée dépourvue des officiers et de la cavalerie» съ тождественной фразой въ письмѣ отъ 18 декабря: «Il se plaignait beaucoup comme il avait fait à l'Impératrice, qu'il était envoyé à se mettre à la tête d'une armée dépourvue de cavalerie et d'officiers»). Но въ письмѣ отъ 11 ноября Уильямсъ еще ничего не писалъ о предполагаемомъ движеніи русской арміи, такъ какъ Митчелль еще не просилъ у него этихъ свѣдѣній. Только когда письмо Уильямса отъ 11 ноября было сообщено Фридриху II, тогда прусскій король просилъ 28 ноября Митчелля, справиться у англійскаго посла въ С.-Петербургѣ о намѣреніяхъ русской арміи (Pol. Corr. № 8373 «Si, au reste, il y avait moyen que M. le Chevalier nous sache instruire de ce que la cour de Russie voudra faire, à la fin, de ses troupes assemblées en Livonie et en Courlande, je lui en saurais un gré infini»). Вотъ въ отвѣтъ на подобный запросъ Уильямсъ, очевидно, и отвѣчаетъ 18 декабря выдержкой изъ письма Екатерины о ея бесѣдѣ съ Апраксинымъ въ ночь съ 29 на 30 октября. Мысль о томъ, что русская армія могла-бы идти прямо въ Силезію, возникла отнюдь не въ декабрѣ, какъ предполагаетъ Бильбасовъ, а встрѣчается еще въ инструкціи для фельдмаршала 5 октября. Разговоръ Апраксина съ великой княгиней мы понимаемъ въ томъ смыслѣ, что фельдмаршалъ намѣренъ былъ медлить походомъ подъ предлогомъ неустройствъ въ арміи и неопредѣленности военныхъ плановъ. Итакъ, попытка Бильбасова поколебать довѣріе къ перепискѣ между Екатериной и Уильямсомъ, какъ историческому источнику, должна быть признана неудачной. Письмо Екатерины къ гр. Бестужеву отъ 30 января ст. ст. 1757 года (Preussische Jahrbücher, V. 47, S. 576) свидѣтельствуетъ въ глазахъ Бильбасова о сочувствіи великой княгини войнѣ противъ Фридриха II. Но письмо это написано напоказъ по просьбѣ Бестужева и указываетъ только, что канцлеръ и Екатерина съ конца января рѣшились не задерживать болѣе похода Апраксина. Бильбасовъ думаетъ, что великая княгиня слѣдовала за общимъ настроеніемъ: пока Апраксинъ былъ въ С.-Петербургѣ и убѣдительно доказывалъ невозможность зимняго похода, не только Екатерина или канцлеръ Бестужевъ, но даже и конференція соглашалась съ нимъ. (Ссылка на инструкцію 5-го октября!) Затѣмъ въ С.-Петербургѣ по чисто политическимъ соображеніямъ конференція стала находить, что въ виду перемѣнившихся обстоятельствъ необходимо немедленно открыть кампанію, чтобы замыслы короля прусскаго уничтожить; отголоскомъ этого общаго настроенія будто-бы и явилось письмо Екатерины отъ 30 января. Но такому представленію В. Бильбасова, будто бы великой княгинѣ не доставало ясности и опредѣленности взгляда, самостоятельнаго почина и твердости воли въ отношеніяхъ къ людямъ и событіямъ, противорѣчитъ все поведеніе Екатерины въ голштин-

скомъ вопросъ, выборъ, сдѣланный ею въ разгаръ соревнованія англійской и французской партіи, наконецъ, борьба, которую она весною 1758 года выдержала противъ Шуваловыхъ, Брокдорфа, великаго князя. Между инструкціей 5 октября и тремя рескриптами конференціи (отъ 6-го, 7-го и 9-го ноября), посланными Апраксину въ догонку въ виду слуховъ, будтобы пруссаки думаютъ захватить Курляндію, разница не по существу, а только въ степени настойчивости, съ которой требовалось выступленіе въ походъ. Но и Билбасовъ, подобно Масловскому, не замѣчаетъ различія между походомъ въ Польшу, котораго требовали немедленно, и вторженіемъ въ Восточную Пруссію, которое намѣчалось на весну; между тѣмъ первоначально и самъ Апраксинъ (17 ноября, т. е. черезъ недѣлю по прибытіи въ Ригу) находилъ возможнымъ вступить полками отъ Смоленска, Стародуба и Чернигова въ Польшу и, не отдаляясь отъ границъ и поддерживая связь съ главной арміей, непрестанно подвигаться впередъ всѣмъ своимъ расположеніемъ, какъ этого требовала инструкція 5-го октября. (Масловскій, вын. I, Приложенія, стр. 250). Итакъ, существеннаго перелома въ воззрѣніяхъ конференціи не было, а измѣнили свой взглядъ на начало похода только великая княгиня и гр. Бестужевъ, вѣроятно, въ связи съ выздоровленіемъ императрицы и закрѣпленіемъ союза съ Австріей и Франціей; объ этой перемѣнѣ сентиментовъ и писалъ Апраксинъ канцлеру 17-го февраля. Новые матеріалы копенгагенскаго и вѣнскаго архивовъ даютъ намъ право отъ взглядовъ Масловскаго и Билбасова вернуться къ изображенію событій у С. М. Соловьева и измѣнить и дополнить ихъ лишь настолько, насколько того требуетъ установленное нами вліяніе голштинскаго вопроса, совершенно обойденнаго московскимъ профессоромъ.

Въ 1760 году Екатерина подъ названіемъ «Анекдота» сама записала рассказъ о своемъ управленіи Голштиніей и борьбѣ съ вліятельнымъ любимцемъ великаго князя, голштинцемъ Брокдорфомъ. Видя, что положеніе дѣлъ въ Голштиніи грозило полнымъ банкротствомъ, Петръ Ѳедоровичъ, въ концѣ 1754 года, рѣшился поручить супругѣ заботы о ихъ поправленіи. Послѣ долгихъ отговорокъ Екатерина, наконецъ, согласилась на это и потребовала у великаго князя указъ за его подписью и печатью для голштинскихъ чиновниковъ, чтобы они слушались ея. Прежде всего великая княгиня велѣла представить себѣ отчетъ о положеніи финансовъ и списокъ долговъ герцогства. Она нашла, что ежегодный расходъ пресышалъ доходъ на 27 тысячъ талеровъ, увидѣла милліоны долговъ и 180 тысячъ талеровъ дохода. Своими попытками привести въ порядокъ финансы и внести больше справедливости въ управленіе Голштиніей великая княгиня вооружила противъ себя Брокдорфа. Чтобы найти противовѣсъ вліянію этого голштинца, Екатерина помирилась съ своимъ преж-

нимъ врагомъ — канцлеромъ Бестужевымъ. Сначала любимецъ великаго князя, желая укрѣпить свое положеніе, передавалъ бывало Екатеринѣ и Петру Ѳедоровичу слухи объ опасныхъ замыслахъ Шуваловыхъ въ ущербъ молодому двору, но, не встрѣтивъ сочувствія у великой княгини, вдругъ рѣшительно перешелъ на сторону родни фаворита и сумѣлъ отдалить Петра Ѳедоровича отъ жены и сблизить съ Шуваловыми. Тогда великая княгиня попросила свиданія съ императрицей и рассказала Елисаветѣ все, что знала о вредномъ вліяніи Брокдорфа на ея супруга и на дѣла Голштиніи. (По Мемуарамъ Екатерины II это свиданье состоялось черезъ нѣсколько дней послѣ празднованія побѣды при Гросс-Егердорфѣ). Между тѣмъ Шуваловы испугались союза Екатерины съ Бестужевымъ, и это ускорило паденіе канцлера. Императрицу убѣдили не только не удалять Брокдорфа, но назначить ему 7 тысячъ пенсіи и посовѣтовать великому князю пользоваться указаніями этого почтеннаго человѣка, Брокдорфъ, говоря о великой княгинѣ, выражался теперь, что надо раздавить змѣю (*écraser le serpent*), и, послѣ ареста Бестужева, клятвенно завѣрялъ великаго князя, будто-бы Екатерина съ канцлеромъ затѣвали заговоръ противъ жизни Петра Ѳедоровича. Но правда открылась; въ ту минуту, когда враги думали уже восторжествовать надъ Екатериной, великій князь раскаялся и помирился съ своей супругой. (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. VII, стр. 92). Донесенія датскихъ посланниковъ Мольцана и Остена вполнѣ подтверждаютъ этотъ рассказъ Екатерины II о вліяніи голштинскихъ дѣлъ на борьбу партій при дворѣ Елисаветы и паденіе канцлера Бестужева ¹⁾).

Съ начала 1756 года канцлеръ поддерживалъ мысль посла Уильямса о необходимости поднести сто тысячъ рублей Екатеринѣ, чтобы довести до конца дѣло объ обмѣнѣ великокняжеской доли Голштиніи на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, поднятое копенгагенскимъ дворомъ. Въ концѣ марта Мольцанъ сообщилъ Бестужеву, что датскій король Фредерикъ V согласился сдѣлать подарокъ въ 100 тысячъ рублей великой княгинѣ и въ тысячу дукатовъ золотыхъ дѣлъ мастеру Бернарди. Съ осени канцлеръ сталъ усиленно торопить Мольцана и его преемника Остена съ дѣломъ обмѣна, указывая на опасную болѣзнь императрицы, которая часто заставляла опасаться за ея жизнь; на примѣръ, въ субботу 19—30 октября и въ понедѣльникъ 21 октября—1 ноября Елисаветѣ стало такъ дурно, что она на нѣсколько часовъ утратила зрѣніе; ей пустили кровь противъ

¹⁾ Сношенія Екатерины съ копенгагенскимъ дворомъ были впервые затронуты датскими учеными, П. Веделемъ въ изслѣдованіи о министерствѣ гр. Бернсторфа Старшаго и профессоромъ Э. Гольмомъ какъ въ статьяхъ въ *Historisk Tidsskrift*, такъ и въ *Danmark-Norges Historie under Frederik V*, Kap. 12, р.р. 240—249. Довѣренность великой княгини на управленіе Голштиніей выдана Петромъ Ѳедоровичемъ къ марту 1755 г. См. *Historisches Taschenbuch VI F*, 1. J, 1882, S. 307.

ея воли и только этимъ спасли отъ смерти. Бестужевъ высказывалъ опасеніе, что императрица не переживетъ весны. Мольцанъ слышалъ, что таково мнѣніе главнаго доктора Елисаветы, Кондоиди, а въ началѣ ноября сама государыня сказала датскому посланнику, что ея жизнь была въ опасности. Только 18 января 1757 года великая княгиня черезъ Бестужева передала свой отвѣтъ на письмо датскаго министра Бернсторфа къ Мольцану отъ 28 декабря, предлагавшее ей денежный подарокъ. Екатерина высказывала здѣсь предположеніе, что министръ неточно выразилъ мысль своего государя и что рѣчь могла идти только о ссудѣ. Какъ-бы тамъ ни было, но она отказывалась отъ денегъ. Датскій король долженъ знать, что только ея привязанность къ Россіи можетъ побудить ее посвѣтовать своему супругу пожертвовать правами и притязаніями на Голштинію и Шлезвигъ. Разъ Фредерикъ V въ дѣлѣ обмѣна ищетъ выгоднаго закругленія своихъ владѣній, такъ онъ долженъ и великому князю предложить всѣ выгоды, какія только можетъ, потому что интересы Екатерины и ея супруга нераздѣльны. Въ началѣ марта въ разговорѣ съ Остеномъ великая княгиня яснѣе выразила свою мысль; за всѣ права и притязанія своего мужа она требовала сверхъ обоихъ графствъ и уплаты всѣхъ долговъ по Голштиніи еще полтора милліона талеровъ наличными. Посланникъ находилъ эти условія чудовищными, но надѣялся, что нужда въ деньгахъ заставитъ молодой дворъ сдѣлать уступки. По свѣдѣніямъ Остена Ихъ Высочества были должны купцамъ свыше 300 тысячъ талеровъ и потеряли всякій кредитъ; въ половинѣ марта великой княгинѣ понадобилась сотня дукатовъ, но она тщетно искала занять ее у кого-либо изъ купцовъ; наконецъ, канцлеръ послалъ ей эту сумму, хотя самъ крайне нуждался въ деньгахъ. Бернарди съ своей стороны прилагалъ къ дѣлу всѣ старанія, такъ какъ Екатерина была должна ему 24 тысячи рублей и могла-бы заплатить ихъ только въ случаѣ обмѣна Голштиніи. Датскій посланникъ со словъ покойнаго голштинскаго министра Пехлина исчислялъ долги герцогства въ полтора милліона талеровъ и предполагалъ, что молодой дворъ удовольствуется приплатой въ пятьсотъ тысячъ; тогда все дѣло можно было-бы устроить за два милліона, т. е. обойтись какъ разъ той суммой, на которую король въ крайнемъ случаѣ готовъ былъ согласиться. Преемникъ Пехлина, Штамбке, при первомъ своемъ появленіи произвелъ было на Остена неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ высказался передъ Бестужевымъ противъ обмѣна герцогства на графства, потому что это будто-бы пониженіе для великаго князя. Однако онъ тотчасъ-же измѣнилъ свое отношеніе, когда канцлеръ показалъ ему письмо, полученное имъ отъ Екатерины: великая княгиня соглашалась поддерживать Штамбке только потому, что этого желалъ Бестужевъ; въ общемъ же онъ внушалъ ей подозрѣнія вслѣдствіе своего брака съ родственницей Брокдорфа; впрочемъ, она готова была относиться къ нему съ довѣріемъ

подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ всякой близости и дружбы съ Брокдорфомъ, повиновался ей во всемъ, что касалось Голштиніи, и докладывалъ о дѣлахъ великому князю не иначе, какъ выслушавши предварительно ея мнѣніе.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1757 года канцлеръ возобновилъ вопросъ о ста тысячахъ, обѣщанныхъ великой княгинѣ. Дѣло въ томъ, что 16 числа по ст. ст. Екатерина обратилась къ Бестужеву съ просьбой найти ей 15 тысячъ рублей. Тотъ отвѣчалъ, что знаетъ только одно средство, а именно поговорить объ этомъ съ датскимъ посланникомъ. Великая княгиня согласилась, но подъ условіемъ, чтобы вся сдѣлка носила видъ займа у канцлера. Остенъ далъ ассигновку въ 15 тысячъ рублей на фирму «Петръ Гиссъ», а Екатерина прислала расписку на имя Бестужева съ обязательствомъ уплатить деньги предъявителю ея. Въ сентябрѣ канцлеръ потребовалъ еще 15 тысячъ рублей для великой княгини. Хотя Остенъ и сталъ затягивать дѣло, но находилъ болѣе благоразумнымъ исполнить это требованіе. Въ виду того, что другіе иностранные дипломаты тщетно добивались возможности ссужать деньги Екатеринѣ, датскій посланникъ полагалъ, что предпочтеніе, которое она оказываетъ Фредеріку V, можетъ принести плоды для его политики. По свѣдѣніямъ Остена, австрійскій посолъ давно имѣлъ разрѣшеніе предложить ей 100 тысячъ рублей, а французскій посолъ имѣлъ еще болѣе широкія полномочія; но ихъ первые шаги были встрѣчены такъ дурно, что они не рѣшались повторить ихъ. Въ половинѣ ноября датскій посланникъ узналъ, что его король одобрилъ выдачу 30-ти тысячъ рублей великой княгинѣ. Онъ извѣщалъ свое правитель-ство, что эта сумма не поможетъ Ихъ Высочествамъ ни взойти на престолъ, ни даже выйти изъ денежныхъ затрудненій. Ни одинъ долгъ не заплаченъ, и великій князь не получилъ изъ этихъ тысячъ ни гроша. Первые 15 тысячъ ушли на три маскарада въ Ораніенбаумѣ, при чемъ Екатерина каждый разъ дарила своимъ придворнымъ дамамъ нарядовъ на три тысячи рублей. Второй заемъ былъ израсходованъ въ С.-Петербургѣ мѣтѣ, чѣмъ въ двѣ недѣли, и Остенъ былъ увѣренъ, что великая княгиня опять сидитъ безъ денегъ.

Между тѣмъ на глазахъ датскаго посланника разыгрывалась при русскомъ дворѣ драма, для которой завязку дало отступленіе Апраксина послѣ егерсдорфской побѣды. Въ концѣ сентября ст. ст. канцлеръ высказывалъ ему свое неудовольствіе на фельдмаршала за то, что въ теченіе кампаніи онъ слѣдовалъ исключительно совѣтамъ графа Петра Шувалова — не очень удаляться отъ границы, поскорѣе окончить походъ и вернуться въ столицу. Когда началось слѣдствіе надъ Апраксинымъ, то къ началу ноября Остенъ сталъ убѣждаться, что въ его лицѣ хотятъ покарать не столько плохого полководца, сколько стараго друга канцлера. По-

сланникъ подѣлился этой догадкой съ Бестужевымъ ; канцлеръ допускалъ, что Апраксинъ предастъ его, но въ виду того, что въ сношеніяхъ съ фельдмаршаломъ всегда соблюдалъ крайнюю осторожность, ждалъ въ худшемъ случаѣ только упрековъ отъ государыни, къ которымъ давно уже привыкъ. Однако Бестужевъ находился въ тревогѣ, началъ сжигать тайныя бумаги, а инныя передавалъ своимъ друзьямъ Остенъ понималъ, что дѣло идетъ теперь уже не объ отступленіи Апраксина, а объ его сношеніяхъ съ великой княгиней черезъ посредство Бестужева. Правда, было извѣстно, что Екатерина въ письмѣ къ фельдмаршалу только убѣждала его исполнить волю государыни и напасть на пруссаковъ, но все-таки Елисавета видѣла въ этомъ вмѣшательство въ свои права и оскорбленіе Величества. Поѣздка гр. Александра Шувалова въ Нарву за письмами великой княгини не дала новыхъ данныхъ для враговъ Екатерины и Бестужева, да и не могла дать, такъ какъ великая княгиня писала Апраксину по просьбѣ канцлера, чтобы разсѣять боязнь фельдмаршала, будто бы движеніемъ впередъ оцъ разгнѣваетъ молодой дворъ. Александръ Шуваловъ, по свѣдѣніямъ Остена, сказалъ Апраксину, что тайну этой переписки выдалъ императрицѣ гр. Эстергази. Самъ канцлеръ тоже считалъ австрійскаго посла виновникомъ разразившейся надъ ними грозы. Только Остенъ думалъ, что это генералъ Букковъ сообщилъ вице-канцлеру и фавориту Шувалову о письмахъ Екатерины, которыя ради успокоенія вѣнскаго двора показывалъ ему самъ Бестужевъ ; этимъ объясненіемъ датскій посланникъ старался предупредить раздраженіе великой княгини противъ гр. Эстергази. Но канцлера ему такъ и не удалось переубѣдить ; уже въ октябрѣ мѣсяцѣ Бестужевъ негодовалъ на австрійскаго посла за то, что оцъ старался очернить его въ глазахъ великаго князя и изображалъ защитникомъ голштинскаго обмѣна. Въ глазахъ Петра Федоровича это было, дѣйствительно, тяжкимъ обвиненіемъ. Еще весной 1757 года великій князь, по словамъ канцлера, сказалъ за столомъ въ присутствіи Штамбке и Екатерины: я знаю, почему хотѣли-бы удалить этого честнаго малаго Брокдорфа ; меня хотятъ лишитъ моихъ владѣній и моихъ подданныхъ, но я знаю эти интриги и сумѣю покарать ихъ. Бестужевъ увѣрялъ, будто-бы эти слова мѣтили въ Штамбке и побудили великую княгиню просить Елисавету объ удаленіи Брокдорфа въ виду того, что оцъ поддерживаетъ ея супруга въ склонности къ вину и къ союзу съ прусскимъ королемъ. Эти подозрѣнія противъ канцлера и Штамбке въ связи съ боязнью за свое герцогство довели Петра Федоровича до того, что въ февралѣ оцъ рѣзко отшатнулся отъ Бестужева и Екатерины и принесъ повинную императрицѣ и Шуваловымъ. Орденъ Бѣлаго орла, присланный польскимъ королемъ для Штамбке, былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу его терпѣнія. Это было дѣломъ великой княгини, канцлера и гр. Попятовскаго. Но великій князь не утвердилъ пожалованія, и лента была отослана на-

заядь. Во вторникъ, 10 — 21 февраля 1758 года Петръ Ѳедоровичъ сказалъ на придворномъ балу графу Эстергази, что варшавскій дворъ думалъ угождать этимъ великой княгинѣ, такъ какъ Штампке — ея креатура; но онъ покажетъ, что не позволяетъ женщинамъ управлять собой. Послѣ этого великій князь около часу у всѣхъ на виду бесѣдовалъ съ императрицей, а камергеръ Шуваловъ старался, чтобы никто не подслушалъ этого разговора. Датскому посланнику удалось только узнать, что Елисавета осталась очень довольна чувствами, выраженными при этомъ случаѣ ея племянникомъ. Такъ какъ государыня съ большой похвалой отозвалась тутъ о Брокдорфѣ, то великій князь на слѣдующій-же день сдѣлалъ его своимъ оберъ-камергеромъ. Екатерина, Бестужевъ и всѣ ихъ приверженцы были страшно поражены этими событіями. Остенъ предчувствовалъ уже теперь паденіе канцлера и просилъ министра Бернсторфа написать шифрованное письмо графу Воронцову съ завѣреніями уваженія и довѣрія къ нему датскаго короля. Дѣйствительно, въ субботу вечеромъ 14 — 25 февраля гр. Бестужевъ былъ арестованъ. Екатерина понимала, что ударъ направленъ противъ нея, но тѣмъ не менѣе на слѣдующій день, 15 февраля, появилась при дворѣ на свадьбѣ Бутурлина съ такимъ высокоотрнымъ видомъ, что вызвала безпокойство у всѣхъ своихъ противниковъ. Она дала понять, кому слѣдовало, что со временемъ это будетъ стоить головы имъ и ихъ дѣтямъ, если они не будутъ обращаться съ арестованными мягко, и такъ обошлась съ тремя слѣдственными комиссарами — Бутурлинымъ, гр. Александромъ Шуваловымъ и кн. Трубецкимъ, что они очень тяготились своимъ порученіемъ. Кн. Трубецкой тайно обѣщалъ ей, что никто не будетъ подвергнутъ допросу подъ кнутомъ.

Итакъ, донесенія датскаго посланника подтверждаютъ рассказъ Екатерины II въ ея Мемуарахъ. Подводя итогъ всѣмъ своимъ свѣдѣніямъ объ этихъ событіяхъ, Остенъ писалъ копенгагенскому двору, что даже соединеннымъ усиліямъ обоихъ пословъ, французскаго и австрійскаго, Шуваловыхъ, Воронцова, Олсуфьева все-таки никогда не удалось-бы свалить канцлера, если-бы противъ него не высказался великій князь, постоянно подстрекаемый Брокдорфомъ. Бестужевъ погубилъ себя въ его мнѣніи тѣмъ, что выхлопоталъ польскій орденъ Штампке, завѣдовавшему голштинскими дѣлами. Въ разговорѣ съ императрицей 10 — 21 февраля Петръ Ѳедоровичъ просилъ у нея прощенія за все свое прежнес поведеніе и винилъ во всемъ гр. Бестужева, который будто-бы совѣтовалъ ему противиться волѣ государыни; съ этой минуты гибель канцлера была рѣшена. Его тайная переписка съ Екатериной должна была оправдать этотъ шагъ; поэтому одновременно съ Бестужевымъ арестовали Бернарди, носившаго письма великой княгинѣ, и Ададунова, часто служившаго ей секретаремъ. Эта переписка давно тревожила императрицу, которая опасалась, что тутъ

замышляется что-либо лично противъ нея. Враги канцлера, боясь въ будущемъ мщенія Екатерины, старались погубить и ея, раздражая противъ нея Елисавету. Шла уже молва, что великую княгиню сошлютъ въ монастырь. Но на другой-же день послѣ ареста Бестужева великій князь сказалъ Александру Шувалову свою волю, чтобы въ дѣлѣ не касался его супруги и не подвергали арестованныхъ пристрастному допросу. Тогда французскій посоль, гр. Петръ Шуваловъ, даже самъ фаворитъ тайно другъ отъ друга стали унижаться передъ Екатериной и просить у нея прощенія. Великая княгиня соглашалась простить ихъ подѣ условіемъ, чтобы несчастныхъ не подвергали пыткамъ и обращались съ ними мягко. Остенъ вѣрилъ, что примиреніе состоится, и находилъ, что положеніе канцлера уже облегчено. Въ началѣ іюля Екатерина говорила посланнику, что ея примиреніе съ мужемъ изумляетъ и даже тревожитъ государыню и ея дворъ, но именно въ силу этого она готова всеми средствами поддерживать и впредь добрыя отношенія съ великимъ княземъ; они рѣшили не стѣснять другъ друга въ своихъ привязанностяхъ къ гр. Понятовскому и Фрейлинѣ Воронцовой.

Однако всеобщее примиреніе не улучшило опаснаго положенія Остена среди борющихся партій. Великая княгиня еще въ мартѣ просила у него взаймы 6 тыс. рублей, но онъ долженъ былъ отказать ей въ виду обстоятельствъ, требовавшихъ отъ него особой осторожности. Впрочемъ, когда гр. Понятовскій передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга просилъ датскаго посланника быть посредникомъ въ его перепискѣ съ Екатериной, то Остенъ ради вліянія своего двора рѣшился согласиться, и далъ ему въ іюлѣ шифръ для тайныхъ писемъ. Великая княгиня съ своей стороны пересылала посланнику письма къ ней фаворита И. И. Шувалова, въ которыхъ онъ замѣтно искалъ у нея прощенія и милости, и ждала отвѣта и совѣта. Остенъ совѣтовалъ ей постараться всецѣло подчинить своему вліянію Петра Федоровича, никого не пугать угрозами и принимать въ друзья всѣхъ, кто станетъ выказывать привязанность къ ней. Но сильный страхъ за свое положеніе и за честь своего двора вызвало у Остена письмо «государственнаго преступника» и «оскорбителя Величества» А. П. Бестужева, вдругъ сообщенное посланнику Екатериной. Уже съ начала декабря 1758 года она сулила подѣлиться съ нимъ своею тайною. Оказалось, что ей удалось найти надежный путь для сношеній съ бывшимъ канцлеромъ. «Онъ поручилъ мнѣ просить у Васъ денегъ» писала великая княгиня: «Вульфъ уже общалъ ему, по крайней мѣрѣ, если вѣрить его словамъ, но просить подождать; ему надо 10 тысячъ и тысячу теперь-же; онъ полонъ плановъ и отваги; можно подумать, что изъ своей тюрьмы онъ управляетъ Европой и увѣщаетъ свою стражу прийти мнѣ на помощь. Онъ просилъ меня взыскать съ великаго князя 4 тысячи, которыя тотъ ему долженъ, и

говорить, что не хочет подарить ихъ ему; пусть лучше бросятъ эти деньги въ воду. Вы видите, что онъ не измѣнился». Остенъ испугался и за себя, и за Екатерину. «Отвага и непоколебимость графа Бестужева меня несколько не изумляютъ», отвѣчаетъ онъ великой княгинѣ: «такъ какъ онѣ вполне соответствують представленію, которое я всегда имѣлъ о его характерѣ. Несчастія никогда не раздавятъ его, а опасные планы къ тому же умѣстны въ его положеніи: онъ какъ птица въ клеткѣ, которая старается вырваться изъ нея даже подѣ страхомъ удавить себя; если ей удастся, такъ она спасена, если же нѣтъ, такъ она вѣдь не можетъ стать болѣе несчастной, чѣмъ была. Но я долженъ сказать Вамъ, что такое поведеніе прилично только неудачникамъ, и я заклинаю и умоляю Васъ во имя Господа и всего, что есть для Васъ дорогого въ мірѣ, отнюдь не принимать участія въ замыслахъ, которые онъ, какъ видно изъ Вашего письма, составляетъ въ Вашу пользу. Его усердіе по отношенію къ Вамъ заслуживаетъ похвалы и Вашей глубокой благодарности, но, сообщая о немъ, онъ подвергаетъ Васъ такой опасности, что одушевляемый усердіемъ, которое связываетъ меня съ Вами, я долженъ просить Васъ не продолжать и даже порвать переписку, способную стать для Васъ гибельной. Взвѣсьте въ то-же время, что можете Вы выиграть въ случаѣ удачи, и Вы увидите, что выгоды не окупаютъ опасности. Престоль не можетъ болѣе уйти отъ Васъ. Неужели, чтобы взойти на минуту раньше, Вы захотите подвергаться случайности утратить его навсегда? Простите, если я говорю слишкомъ откровенно, предполагая замыслы, которыхъ, можетъ быть, вовсе не существуетъ, но одной возможности ихъ существованія достаточно для того, чтобы ветревожить меня. Я знаю графа Бестужева. Онъ никогда не умѣлъ ограничивать своихъ замысловъ, и трудность исполнить ихъ онъ всегда замѣчалъ только тогда, когда бывало уже поздно помочь дѣлу». Остенъ отказалъ въ деньгахъ графу Бестужеву, просилъ Екатерину отвѣтить бывшему канцлеру, что она даже не передавала его просьбы датскому посланнику, и никогда не упоминаетъ имени Остена въ перепискѣ съ заключеннымъ. Въ половинѣ декабря великая княгиня приехала посланнику успокоительное письмо. Она не только не сердилась на его свободный языкъ, но даже благодарила за него: «Вы предполагаете во мнѣ духъ болѣе предприимчивый, нежели то есть на самомъ дѣлѣ, и Ваша дружба ко мнѣ увлекла Вашу проникательность за предѣлы дѣйствительности. Я хочу вывести Васъ изъ заблужденія съ тою искренностью, какую только заслуживаетъ Ваша советвенная, и я съ удовольствіемъ забываю о томъ, какъ Вы сочли меня такой взбалмошной головой, тѣмъ болѣе, что замысловъ, которые Вы предполагаете у графа Бестужева, слава Богу, вовсе не существуетъ. Когда явилась возможность сноситься намъ, онъ возобновилъ свои обильные совѣты и распросы, прибавилъ, что я найду у Васъ деньги, въ которыхъ, какъ онъ знаетъ, нуждаюсь на тотъ

рѣшительный случай, если императрица умретъ. Я отвѣчала ему, что мнѣ тяжело просить у Васъ. Тогда онъ завелъ, не знаю какимъ путемъ, переговоры съ Вульфомъ, но, получивъ отвѣтъ, какъ я Вамъ его уже сообщила, онъ вернулся къ мысли обратиться за деньгами къ Вамъ. Изъ чувства ложнаго стыда я предпочла сдѣлать это лучше отъ его имени, нежели отъ моего; отсюда все это *quid pro quo*. Если я прибавила тысячу немедленно, то имѣя въ виду Шкурина, который служить мнѣ усердно и умно; онъ купилъ землю въ три тысячи, и я обѣщала ему тысячу на покупку. Теперь позвольте изъ личнаго самолюбія сказать Вамъ, что я неспособна на преступленіе въ родѣ того, какое Вы предполагаете. Если бы Вы знали меня глубже, Вы увидали-бы, что у меня гораздо меньше высокомерія, чѣмъ мнѣ приписываютъ, и что у меня въ характерѣ, быть можетъ, болѣе безстрашія, нежели отваги. Ваше имя ни разу не было и не будетъ упомянуто. Увѣдавъ, что его боязнь была не у мѣста, датскій посланникъ рѣшился дать тысячу рублей за собственный счетъ, занявъ ихъ у Эстергази. На будущее время онъ думалъ предложить Екатеринѣ занимать у австрійскаго посла, который самъ просилъ его доставить ему случай ссудить великой княгинѣ. Остенъ считалъ своимъ долгомъ щадить казну короля; но онъ далъ Екатеринѣ завѣреніе, что въ рѣшительную минуту смерти императрицы доставить ей нужныя деньги, и надѣялся, что Фредерикъ V одобритъ это. По его словамъ, если-бы для восшествія на престолъ ей не доставало только умѣренной суммы денегъ, она, конечно, найдетъ ее тогда въ любомъ другомъ мѣстѣ; такъ, для интересовъ датскаго двора было-бы крайне выгодно, если-бы она считала, что своей короной обязана благодареніямъ короля. Сообщая великой княгинѣ о своемъ согласіи на новую ссуду, Остенъ указывалъ ей, что она можетъ добыть денегъ и у барона Вульфа, но совѣтовалъ лучше просить прямо отъ своего имени, а не для Бестужева, которому никто при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не осмѣлится давать въ долгъ. Тогда великая княгиня просила посланника добыть ей черезъ гр. Эстергаза отъ вѣнскаго двора 50 тысячъ рублей, ссылаясь на то, что Австрія два года тому назадъ предлагала ежегодную пенсію въ 12 тысячъ дукатовъ, которую она не нашла въ то время удобнымъ принять.

Всеобщее замиреніе поколебало, наконецъ, упорство Брокдорфа въ его борьбѣ противъ вліянія Екатерины. Въ самомъ концѣ 1758 года по ст. ст. датскій искатель приключеній Берингскіольдъ, игравшій неразъ роль тайнаго дипломатическаго агента и даже шпіона, сообщилъ посланнику отъ имени оберъ-камергера великаго князя, что тотъ согласенъ не только отказаться отъ сопротивленія голштинскому обмѣну, но даже совершенно уйти со службы Петра Федоровича, если датскій король обезпечитъ ему безбѣдное существованіе, подаривъ 50 тысячъ талеровъ. Остенъ нахо-

диль, что это слишкомъ дорого, но обѣщалъ написать королю. Если бы каждый изъ пословъ, французскій и австрійскій, согласился дать по десяти тысячъ талеровъ, то и представитель Даніи готовъ былъ прибавить столько-же и предложить Брокдорфу 30 тысячъ за то, чтобы онъ довелъ до конца дѣло обмѣна, такъ какъ Остенъ не имѣлъ полномочія платить только за отъѣздъ Брокдорфа.

Если донесенія датскаго посланника рисуютъ, какъ попытка гр. Бестужева осуществить обмѣнъ Голштиніи черезъ воздѣйствіе великой княгини на мужа отшатнула отъ канцлера Петра Федоровича и дала послѣдній толчекъ къ его паденію, то по дипломатической перепискѣ графа Эстергази можно прослѣдить долю участія въ этихъ-же событіяхъ Австріи.

Въ январѣ 1757 года императрица Елисавета лично подтвердила австрійскому послу, что она предписала Апраксину постараться еще этой-же зимой предпринять что-либо противъ Пруссіи. Вообще, когда въ С.-Петербургъ прибылъ генераль-фельдмаршалъ-лейтенантъ фонъ-Букковъ для выработки плана военныхъ дѣйствій, то гр. Эстергази замѣчалъ, что дѣла сейчасъ-же идутъ быстрѣе, какъ только здоровье государыни поправляется и на великаго князя перестаютъ обращать вниманіе. Зато при каждомъ недомоганіи Елисаветы всѣ начинаютъ со страхомъ оглядываться на Петра Федоровича. Вскорѣ (донесеніе отъ 9-го марта нов. ст.) посолъ могъ съ достовѣрностью сообщить своему двору, что дерзкій канцлеръ ведетъ недозволенную и опасную для государыни переписку съ Екатериной и поддерживаетъ молодой дворъ въ его невинности. Бестужевъ, дѣйствительно, показалъ генералу ф.-Буккову кой-какія письма къ нему великой княгини въ подлинникахъ. По словамъ Эстергази, императрицѣ все это извѣстно, и она, болѣе чѣмъ когда-либо, недовольна поведеніемъ канцлера. Однако, если Елисавета не приметъ какой-либо рѣшительной мѣры, то Бестужевъ безъ сомнѣнія всѣми силами будетъ противиться общимъ цѣлямъ союзниковъ, вытекающимъ изъ новой политической системы, и, во чтобы то ни стало, придумывать и ставить имъ препятствія. Точно такъ-же, узнавши, что Апраксинъ не считаетъ возможнымъ начать операціи ранѣе мая, посолъ писалъ въ мартѣ австрійскому военному агенту при русской арміи генералу С. Андрѣ, что фельдмаршалъ очевидно нарочно затянулъ начало похода: онъ настолько пренебрегалъ нужными приготовлениями, что теперь дѣйствительно ранѣе лѣта ничего невозможно сдѣлать. Поэтому Эстергази просилъ внимательно слѣдить за каждымъ шагомъ Апраксина и не довѣрять его заявленіямъ. Все это не могло улучшить личныхъ отношеній между посломъ и Бестужевымъ, которыя при первомъ-же появленіи австрійскаго дипломата въ Россіи приняли отъѣнокъ непріязни. Въ апрѣлѣ Эстергази послалъ графу Кауницю обширное донесеніе, направленное противъ всего поведѣнія и всей политики рус-

скаго канцлера. Посоль черезъ барона Буккова и гр. Понятовскаго пытался разузнать, что именно имѣеть противъ него Бестужевъ, дабы сообразоваться съ этими указаніями, но оба они не могли найти никакихъ опредѣленныхъ причинъ для неудовольствія, кромѣ глубоко засѣвшаго предубѣжденія противъ гр. Эстергази. Напротивъ, австрійскій посоль могъ выставить противъ канцлера ясныя обвиненія: Бестужевъ сблизилъ Упльямса съ молодымъ дворомъ. Эта интрига сдѣлала великаго князя и всѣхъ, кто заглядываетъ въ будущее, врагами «новой системы»... Болѣзнь и долготерпѣніе императрицы съ одной стороны, а съ другой происки Упльямса, находящіе поддержку у Екатерины, и нашептыванія Бестужева противъ французской политики дѣлали великаго князя съ каждымъ днемъ все болѣе дерзкимъ, такъ что, наконецъ, онъ заговорилъ громко и сталъ грозить будущимъ, что здѣсь совершенно неслыханное дѣло. Петръ Федоровичъ замѣтилъ хорошее дѣйствіе совѣтовъ канцлера, такъ какъ все стало дрожать передъ нимъ. Такимъ образомъ Бестужевъ достигъ желанной цѣли, превративъ прежнюю глубокую неприязнь молодого двора сразу въ полное довѣріе къ нему. Это теперь его новая, но и послѣдняя опора; канцлеръ ухватился за нее, отбросивъ всѣ другія соображенія, чтобы только спастись отъ гибели въ послѣднюю минуту, когда онъ былъ уже совсѣмъ близокъ къ паденію. Даже камергеръ Шуваловъ видѣлъ въ этомъ какъ бы обезпеченіе себя будущаго, если Бестужевъ будетъ своимъ спасеніемъ обязанъ его заступничеству. Такъ какъ явился самый удобный случай унижить Пруссію, то очевидно, что пристрастіе канцлера къ «старой системѣ» надо приписать не твердости, основанной на ясности пониманія, а исключительно его личнымъ побочнымъ цѣлямъ. Молодой дворъ тоже старался создавать новой системѣ всевозможныя препятствія и поддерживать намѣренія Англіи. Для этого Ихъ Высочества обратились къ Апраксину и безъ зазрѣнія совѣсти дали ему понять свой истинный образъ мыслей. Это поставило фельдмаршала въ затрудненіе, какъ исполнять приказы императрицы, безъ опасности навлечь на себя неудовольствіе великокняжеской четы и этимъ подготовить себя неизбѣжную гибель въ случаѣ переменъ царствованія. По словамъ Эстергази, Апраксинъ совершенно опредѣленно высказывался объ этихъ обстоятельствахъ и подъ ихъ давленіемъ отсрочивалъ, какъ можно долѣе, свой отъѣздъ, упустилъ распорядиться относительно мѣропріятій первой необходимости, которыя между тѣмъ легко приготовить, и, наконецъ, покинулъ С.-Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ отнюдь не нарушать обѣщаній, данныхъ великой княгинѣ, а именно: въ ожиданіи будущихъ временъ затягивать подъ благовидными предлогами начало военныхъ операцій и предоставить свою защиту дрожащимъ передъ молодымъ дворомъ противникамъ, а также своему новому другу — Петру Шувалову. Непозволительныя увертки канцлера — главный источникъ всего этого зла. Императрица онъ хорошо из-

вѣстны; она чувствуетъ къ нимъ отвращеніе, равно какъ и къ самому виновнику ихъ. Елисавета давно прибѣгла-бы противъ нихъ къ самому дѣйствительному средству, если-бы она нашла среди своего окруженія людей, владѣющихъ рутинной иностранной политики. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, удержится-ли гр. Бестужевъ или нѣтъ, но австрійскій посоль былъ увѣренъ, что онъ не можетъ болѣе сильно вредить; найдутся средства въ нѣкоторыхъ случаяхъ заставить его самого служить цѣлямъ союзниковъ, а многое, чему онъ вздумаетъ помѣшать, можно другими путями осуществить черезъ саму государыню. Поэтому въ апрѣлѣ Эстергази не сомнѣвался болѣе, что русское войско двинется теперь въ походъ и силою вещей окажетъ содѣйствіе дѣлу союзниковъ. Когда, наконецъ, русская армія перешла за Нѣманъ и Елисавета въ іюлѣ ждала извѣстія о вступленіи ея въ предѣлы Пруссіи, австрійскій посоль еще разъ пояснилъ своему правительству, что Апраксинъ опоздалъ съ походомъ не по недостатку денегъ, а по своей извѣстной нерѣшительности и въ значительной долѣ въ силу взглядовъ, навязанныхъ ему въ началѣ молодымъ дворомъ. Эстергази былъ всего болѣе озадаченъ тѣмъ, что императрицѣ до мелочей было извѣстно все поведеніе великокняжеской четы, и однако, когда объ этомъ заходила рѣчь, она обыкновенно говорила: пусть они только такъ продолжаютъ. При этомъ она впрочемъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, не выносила канцлера за то, что онъ подстрекалъ молодой дворъ во всемъ идти ей наперекоръ. По поводу извѣстія о побѣдѣ при Гросс-Егерсдорфѣ посоль опять повторялъ, что русскій дворъ, очевидно, всегда относился къ походу серьезно; итакъ, не прусское и англійское золото удерживали его до сихъ поръ отъ настойчивыхъ предпріятій; задержку въ военныхъ дѣйствіяхъ надо объяснять исключительно негодностью приготовленій Апраксина, его нерѣшительностью и боязнью передъ великокняжеской четой въ связи съ миновавшей болѣзнью государыни.

Новый припадокъ съ Елисаветой, когда она на виду нѣсколькихъ сотъ людей лежала 8—19 сентября безъ памяти передъ церковью въ Царскомъ Селѣ, ея набожность, пугавшаяся дальнѣйшаго кровопролитія, и, наконецъ, отступленіе Апраксина послѣ его побѣды, все это поколебало осенью надежды австрійскаго посла на продолженіе русскаго похода. Правда, Бестужевъ открыто винилъ во всемъ только фельдмаршала, складывая на него отвѣтственность и за позднее открытіе кампаніи, и за отступленіе. Но, напримѣръ, Петръ Шуваловъ держалъ сторону Апраксина. Чтобы добыть точныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи русской арміи, гр. Эстергази послалъ на мѣсто военныхъ дѣйствій къ генералъ-фельдмаршалу-лейтенанту барону С. Андрэ свое довѣренное лицо — капитана Ф. Кемпеля. Кемпель вернулся 14—25 октября и представилъ подробный отчетъ. Плачевный исходъ кампаніи онъ приписывалъ не какой-

либо измѣнѣ, а исключительно боязливости и неопытности фельдмаршала; только позднее начало похода бесспорно слѣдовало приписать его тайному соглашенію съ молодымъ дворомъ, главнымъ образомъ съ великой княгиней. Канцлеръ прекрасно, зналъ это, но скрывалъ отъ императрицы самымъ непопозволительнымъ образомъ. Въ общемъ Кемпель пришелъ къ выводу, что и въ будущемъ нельзя рассчитывать на успѣшную поддержку съ русской стороны, пока не подвергнется полному измѣненію внутреннее управленіе и не будутъ вырваны съ корнемъ существенныя злоупотребленія въ арміи. Отступленіе Апраксина австрійскій капитанъ считалъ ошибкой, которая ничѣмъ не оправдывается. Вѣдь баронъ С. Андрэ предложилъ на выборъ нѣсколько выходовъ изъ затруднительнаго положенія, а именно: 1) Можно было тотчасъ-же овладѣть Велау и Талиау или, по крайней мѣрѣ, позднѣе, когда непріятель очистилъ оба городка и мѣстный бюргермейстеръ самъ привезъ объ этомъ извѣстіе; затѣмъ слѣдовало-бы послать сюда по рѣкѣ оставленные въ Гумбинненѣ и Инстербургѣ запасы провіанта, достаточныя на то время, пока не достигли-бы Лабіау и не организовали-бы обильный подвозъ изъ Мемеля по Куришъ гафу или даже изъ Тильзита. 2) Можно было также всю бесполезную и даже вредную орду казаковъ вмѣстѣ съ ранеными, больными и излишнимъ обозомъ тотчасъ-же послѣ битвы направить въ Тильзитъ; тогда для здороваго зерна арміи хватило-бы на мѣсяцъ провіанта, доставляемаго изъ Инстербурга и Гумбиннена. Съ этимъ войскомъ слѣдовало-бы расположиться за Деймой, опираясь правымъ крыломъ на Лабіау и притомъ на близкомъ разстояніи отъ Кенигсберга. Сюда доставлялось-бы все, что нашлось-бы въ благословенной всякимъ изобиліемъ низинѣ, т. е. въ петронутомъ еще округѣ и островѣ Руссъ. Это дало-бы возможность выждать, пока выяснятся намеренія непріятеля, овладѣть Кенигсбергомъ, а слѣдовательно сразу избавиться отъ недостатка и обезпечить себѣ зимнія квартиры. Кемпель считалъ, что время для выполненія такого плана еще не ушло. Но вмѣсто этого русскій генералитетъ избралъ худшее: двинулся не на Велау, какъ совѣтовалъ С. Андрэ, который даже обследовалъ эту мѣстность, а къ Алленбургу. Отсюда пошло отступленіе къ Инстербургу и Тильзиту. На военномъ совѣтѣ 13 — 24 сентября было, правда, постановлено выбрать еще по возможности хорошо укрѣпленный самой природой лагерь за Нѣманомъ. Однако, стоило показаться немногимъ гусарамъ, чтобы русскіе вообразили передъ собой всю непріятельскую армію; это дало генералу Фермору поводъ посовѣтовать фельдмаршалу перевести войска на правый берегъ. Отъ барона С. Андрэ такое рѣшеніе скрывали до послѣдней минуты. Непріятель не мѣшалъ русскимъ переправиться обратно за Нѣманъ.

Этими свѣдѣніями объ исходѣ русскаго похода и руководился гр. Эстергази въ своемъ образѣ дѣйствія въ С.-Петербургѣ. Въ ноябрѣ на

свадьбъ Салтыковой и Измайлова посоль имѣлъ откровенный разговоръ съ государыней. Казалось, что Елисавета неожиданное отступленіе Апраксина приписывала какой-то тайной причинѣ. Она сказала графу Эстергази, что потребовала у фельдмаршала всю его переписку и назначила слѣдственную комиссію. Затѣмъ она опять стала подробно описывать происки и интриги гр Бестужева и даже выразилась, что не знаетъ, какъ съ нимъ поступить. На это посоль отвѣчалъ, спокойно улыбаясь, что, если дать канцлеру достаточную для его существованія пенсію, то затраченныя сюда деньги принесутъ сотни процентовъ для политическихъ интересовъ самой государыни и связанныхъ съ нею дворовъ. Елисавета говорила и о великомъ князѣ, жалуясь на его дурное поведеніе и на то, что отъ него никогда не услышишь умнаго слова. Эстергази дѣйствительно узналъ, что въ разговорѣ съ фаворитомъ Шуваловымъ Петръ Федоровичъ разносилъ французовъ: по его словамъ отъ версальскаго двора Россіи нечего ожидать. Великій князь жаловался при этомъ на стѣсненія, которымъ онъ подвергался въ С.-Петербургѣ, и просилъ Ив. Ив. Шувалова выхлопотать ему у императрицы разрѣшеніе вернуться лучше въ свое герцогство и жить тамъ простымъ полковникомъ. Елисавета была оскорблена этой просьбой. Въ довершеніе всего изъ словъ Петра Федоровича было ясно, что всё эти рѣчи вложилъ ему въ уста дерзкій канцлеръ. Вліяніе молодого двора усиливалось каждый разъ, когда занемогала императрица. Въ Николинъ день 6—17 декабря 1757 года Елисавета простудилась въ церкви и опять подверглась глубокому обморку, напоминавшему ударъ. Весь дворъ былъ охваченъ страхомъ, а вся семья Шуваловыхъ, графиня Воронцова, жена болѣвшаго тогда вице-канцлера и даже самъ гр. Бестужевъ наперерывъ одинъ передъ другимъ заискивали у великаго князя и его новаго фаворита Брокдорфа. Но здоровье Елисаветы опять поправилось, а въ началѣ 1758 года обнаружилось охлажденіе между канцлеромъ и Петромъ Федоровичемъ. Брокдорфъ подорвалъ, наконецъ, вліяніе графа Бестужева. По словамъ самой императрицы, ея племянникъ говорилъ теперь о канцлерѣ съ большимъ презрѣніемъ; только великая княгиня оставалась еще преданной ему. За послѣднее время Петръ Федоровичъ замѣтно измѣнилъ къ лучшему свое поведеніе въ отношеніи къ государынѣ, такъ что она могла выразить свое полное удовольствіе. О гр. А. П. Бестужевѣ Елисавета говорила въ январѣ, что онъ становится старымъ, неспособнымъ къ труду и брюзгливымъ; за послѣдніе мѣсяцы она видѣла его не болѣе 3-хъ или 4-хъ разъ; онъ то боленъ, то притворяется больнымъ; но посоль можетъ быть увѣренъ — таковы были подлинныя слова государыни — что скоро всё освободятся отъ него. Однако Эстергази все еще боялся, что канцлеръ увернется отъ направленаго удара; онъ, на примѣръ, сомнѣвался, чтобы гр. Александръ Шуваловъ, посланный въ Нарву для отобранія переписки у фельдмаршала, нашелъ

еще письмо Екатерины къ Бестужеву, разрѣшавшее будто-бы Апраксину начать военныя операціи противъ Пруссіи, — это то письмо, которое Бестужевъ показывалъ Ф.-Буккову. Зато согласіе между императрицей и великимъ княземъ продолжалось; посолъ въ свое время сильно содѣйствовалъ ихъ примиренію и былъ теперь въ милости у Петра Ѳедоровича. Напротивъ, канцлеръ, благодаря своимъ новымъ проискамъ, сталъ окончательно всѣмъ ненавистенъ. Его притворная болѣзнь разрѣшилась опять интригой: по требованію великой княгини польскій король неожиданно для всѣхъ прислалъ орденъ голштинскому тайному совѣтнику Штамбке. Елисавета и ея племянникъ были возмущены этимъ и отказали въ своемъ согласіи, а отъ 15 (26) февраля гр. Эстергази доносилъ уже о паденіи Бестужева.

Послѣ ареста канцлера великая княгиня почуяла опасность и дважды присылала Штамбке къ австрійскому послу съ просьбой о совѣтѣ и помощи для улаженія всей этой неурядицы. Но такъ какъ императрица передъ этимъ жаловалась графу Эстергази на неблагоразумное, высококомѣрное и даже дерзкое поведеніе Екатерины, то посолъ сталъ на точку зрѣнія, что иностранный дипломатъ не долженъ мѣшаться въ домашнія дѣла двора и въ вѣжливыхъ выраженіяхъ уклонился отъ всякаго содѣйствія ей; онъ совѣтовалъ ей обратиться прежде всего къ посредничеству своего супруга, который всецѣло пользуется милостью и довѣріемъ Елисаветы. Объ этихъ переговорахъ черезъ Штамбке посолъ сообщилъ великому князю. Петръ Ѳедоровичъ былъ польщенъ такой откровенностью и жаловался, что, каждый разъ, когда онъ давалъ супругѣ добрый совѣтъ, тотчасъ-же другіе своимъ нашептываньемъ портили ему все дѣло; по мнѣнію великаго князя для Екатерины не было другого средства выйти изъ непріятнаго положенія, какъ подчиниться волѣ императрицы. Оглядываясь назадъ на борьбу партій за послѣдній годъ, Эстергази рисовалъ своему двору такую картину: Бестужевъ сталъ искать опоры у молодого двора, когда замѣтилъ, что вліяніе его у Елисаветы падаетъ. Но, желая всюду проводить свою волю, канцлеръ слишкомъ натянулъ струну и сразу потерялъ довѣріе великаго князя. Петръ Ѳедоровичъ отшатнулся отъ него и сблизился съ государыней. Австрійскій посолъ до конца сохранялъ свою увѣренность, что гр. Бестужевъ и Екатерина съ осени 1756 года задерживали начало похода Апраксина и этимъ погубили всю кампанію. Итакъ, гр. Эстергази нигдѣ въ своихъ донесеніяхъ не говоритъ прямо, что именно онъ сообщилъ Елисаветѣ о существованіи тайной переписки между великой княгиней, канцлеромъ и фельдмаршаломъ; признаваясь, что онъ по силамъ содѣйствовалъ примиренію Петра Ѳедоровича съ его теткой, посолъ умалчиваетъ о томъ, чтобы онъ подстрекалъ великаго князя противъ гр. Бестужева, играя на его привязанности къ Голштиніи. Но косвенно дипломатическая

переписка австрийскаго посла подтверждаетъ, что онъ сочувствовалъ партіи, враждебной канцлеру, а своими разговорами съ Елисаветой и ея племянникомъ даже вдвойнѣ содѣйствовалъ его паденію. Невольно является вопросъ, имѣлъ-ли онъ полномочія отъ своего двора на сверженіе гр. Бестужева двойной интригой — обнаруженіемъ его сношеній съ Екатериной и совѣтомъ великому князю опираться на государыню для противодѣйствія канцлеру? Отвѣтъ могутъ дать только рескрипты Маріи Терезіи и письма графа Кауница къ ихъ послу.

Въ началѣ 1757 года вѣнскій дворъ все еще стоялъ на точкѣ зрѣнія, установившейся послѣ донесеній гр. Зинцендорфа изъ С.-Петербурга въ 1755 году, а именно — опираться сразу и на гр. Бестужева, и на гр. Воронцова. Въ тайномъ рескриптѣ графу Эстергази отъ 9 января 1757 года Марія Терезія высказывала увѣренность, что при жизни Елисаветы нельзя ждать полного устраненія отъ дѣлъ канцлера или вице-канцлера, такъ какъ основное правило государыни поддерживать и питать разладъ и соперничество среди министровъ ради собственной безопасности. Императрица-королева держалась взгляда, что ея посоль вообще не долженъ мѣшаться въ домашнія дѣла чужого двора и можетъ принимать въ нихъ участіе, развѣ только въ крайнемъ случаѣ, чтобы содѣйствовать главной цѣли политики или отстранять вредныя вліянія. Лучшимъ средствомъ для предупрежденія вредныхъ послѣдствій, которыя могли-бы произойти изъ противодѣйствія канцлера и молодого двора новой системѣ, вѣнскій дворъ признавалъ попытку, не оскорбляя русской императрицы, снискать въ то-же время довѣріе и даже расположеніе великовняжеской четы. Изъ этихъ основныхъ взглядовъ вытекалъ очень опредѣленный наказъ — ловко и осторожно пользоваться сразу и гр. Бестужевымъ, и гр. Воронцовымъ для достиженія одной и той же цѣли. Когда затѣмъ въ мартѣ мѣсяцѣ графу Эстергази было предписано содѣйствовать дѣлу голштинскаго обмѣна, дабы привлечь и Данію на сторону «праваго дѣла», то Марія Терезія сдѣлала въ рескриптѣ оговорку — дѣйствовать при этомъ такъ, чтобы не раздражить Петра Федоровича. Но отступленіе Апраксина сразу измѣнило отношеніе вѣнскаго двора къ враждебной партіи въ С.-Петербургѣ. Отъ 9-го октября нов. ст. гр. Кауницъ писалъ послу, что поведеніе фельдмаршала внушаетъ страшныя подозрѣнія. Достоверно извѣстно, что Апраксинъ состоялъ въ частной перепискѣ съ канцлеромъ и молодымъ дворомъ, но нельзя сказать положительно, не зависѣло-ли отступленіе отъ интригъ и англійскаго золота. При такомъ критическомъ положеніи дѣла гр. Эстергази долженъ былъ соблюдать осторожность и избѣгать крайностей въ своемъ образѣ дѣйствія. Пусть онъ съ одной стороны постарается открыть глаза императрицѣ на истинный смыслъ событій и добиться если не наказанія, то по крайней мѣрѣ устраненія виновныхъ, дабы они не могли болѣе

вредить, но пусть съ другой стороны попытается при этомъ не возбуждать личной неприязни и избѣжать клички донощика. По связи конца письма съ началомъ подъ «виновникамъ» (Urheber) австрійскій канцлеръ могъ разумѣть только Апраксина, Бестужева и Екатерину. Такимъ образомъ этотъ рескриптъ гр. Кауница снималъ съ посла Эстергази личную отвѣтственность за его глухую борьбу и противъ русскаго канцлера и давалъ даже право на болѣе рѣшительное нападеніе. Когда гр. Бестужевъ былъ свергнутъ, то Кауницъ опять писалъ отъ 15 марта нов. ст. 1758 года такимъ искусственнымъ офиціознымъ слогомъ, что его рескриптъ гр. Эстергази свободно могъ-бы показать новому канцлеру — гр. Воронцову: вѣнскій дворъ держится правила не мѣшаться въ домашнія дѣла сосѣдей; онъ искалъ довѣрія и расположенія графа Бестужева, только пока тотъ былъ канцлеромъ, исключительно изъ уваженія къ русской императрицѣ.

Гр. Эстергази былъ убѣжденъ, что вина за плачевный исходъ кампаніи 1757 года падаетъ на Екатерину, Бестужева и Апраксина, такъ какъ въ угоду молодому двору фельдмаршалъ затянулъ приготовленія къ походу, отодвинулъ этимъ начало военныхъ дѣйствій къ концу лѣта, поставилъ такимъ образомъ свою армію въ затруднительное положеніе и незамѣтно погубилъ все дѣло. Но ни гр. Кауницъ, ни самъ посолъ не рѣшались утверждать съ достовѣрностью, что С. Э. Апраксинъ отступалъ послѣ егерсдорфской побѣды въ силу приказовъ великокняжеской четы или подъ вліяніемъ извѣстій о болѣзни императрицы Елисаветы. Мы не нашли обвиненій противъ фельдмаршала въ прямой измѣнѣ государынѣ и среди донесеній барона С. Андрэ, хотя онъ не считалъ отступленіе къ Тильзитъ неизбежнымъ, а того менѣе обратный путь на крѣпость Мемель. Австрійскій военный уполномоченный переслалъ гофкригерату въ Вѣну обстоятельный журналъ операцій русской арміи за конецъ августа и начало сентября. Числа дней, которыя онъ даетъ, иногда противорѣчатъ указаніямъ полковника Масловскаго; причина разногласія коренится, вѣроятно, въ томъ, что авангардъ, главная квартира и арьергардъ русской арміи достигали мѣстъ стоянокъ въ разные дни. Но есть и прямыя неточности въ журналѣ, который написанъ испѣшно и притомъ, кажется, заднимъ числомъ. По журналу барона С. Андрэ русская армія 31-го августа и 1-го сентября нов. ст. оставалась на полѣ сраженія для погребенія убитыхъ и отправки раненныхъ; только 2-го сентября она двинулась впередъ, но по причинѣ лѣсовъ прошла всего милью. На слѣдующій день майоръ полка, вѣрнѣе австрійскому военному агенту, а затѣмъ и самъ С. Андрэ произвели рекогносцировку пути на Велау. Баронъ совѣтовалъ фельдмаршалу занять возвышенность около Велау и 5-го сентября нов. ст. на разсвѣтѣ повторилъ рекогносцировку съ 2 гусарскими и 1 казацкимъ полкомъ; онъ нашелъ, что непріятель удерживалъ и даже еще болѣе укрѣпилъ эту воз-

вышенность. 26 августа (6 сентября) армія снова поднялась и продолжала путь до Алленбурга, гдѣ 7-го и 8-го числа по нов. ст. былъ роздыхъ. Послѣ полудня пришло извѣстіе, что непріятель покинулъ свой лагерь позади Велау и сталъ у Талиау; въ то-же время (можетъ быть 28 — 8 числа) прибыли бюргермейстеръ изъ Велау и двое присяжныхъ и сказали, что пруссаки уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ послали въ Кенигсбергъ свои пекарни и обовъ¹⁾. Тогда фельдмаршалъ собралъ весь генералитетъ, бригадировъ и полковниковъ (несомнѣнно 7-го числа), сообщилъ имъ эту вѣсть (позднѣе?) и въ присутствіи С. Андрэ спросилъ ихъ по чести, на сколько дней хватитъ имъ еще провіанта. На это одни заявили, что у нихъ остается запасъ на 6—8 дней, другіе-же, у которыхъ много людей пало въ битвѣ, рассчитывали на большее число дней. Всѣ эти лица считали, что такого количества провіанта недостаточно для преслѣдованія непріятеля, а потому и было рѣшено приблизиться съ арміей къ Тильзиту, пополнить тамъ походные запасы, пріютить въ безопасномъ мѣстѣ находившихся при войскѣ многочисленныхъ больныхъ, принявъ мѣры для обезпеченія имъ продовольствія, усилить при этомъ самое войско и тогда снова двинуться на враговъ. Сообразно этому армія 9-го сентября нов. ст. выступила изъ Алленбурга на Ильмендорфъ и Иодлаукенъ, гдѣ 13-го числа былъ роздыхъ. 14-го числа съ полноты къ Инстербургу посланъ былъ подполковникъ Сиверсъ курьеромъ въ С.-Петербургъ. Въ тотъ-же день (?) пришло извѣстіе, что 13-го ночью 2 эскадрона прусскихъ гусаръ появились въ Гумбинненѣ и уничтожили тамъ складъ муки въ тысячу четвертей. Затѣмъ армія шла на Инстербургъ (15 сентября) и Зоммерау, откуда двинулась 23-го къ Тильзиту. Изъ Тильзита баронъ С. Андрэ сообщалъ гофкригерату отъ 13 (24) сентября подробности о военномъ совѣтѣ у Алленбурга 27 августа (7 сентября). Здѣсь было единогласно рѣшено идти черезъ Инстербургъ къ Тильзиту, хотя потомъ (8-го сентября н. с.) и пришло извѣстіе, что непріятель очистилъ Велау и отошелъ къ Кенигсбергу. Австрійскій уполномоченный

¹⁾ По слухамъ этотъ бюргемейстеръ рассказывалъ, что Апраксинъ въ его присутствіи получилъ изъ С.-Петербурга какое-то письмо, замѣтно обрадовавшее его и, вѣроятно, побудившее начать отступление. (Чтенія, 1870, кн. III, Матеріалы иностранные, стр. 16). По Масловскому прусская армія очистила позицію у Велау и отошла къ Талиавъ 27-го августа ст. ст., т. е. одновременно съ рѣшеніемъ русскихъ отступить въ Тильзиту; только тогда Демолинъ закончилъ свою рекогносцировку и донесъ 28 августа Апраксину объ отступленіи пруссаковъ изъ Велау, но это извѣстіе уже не могло измѣнить постановленія воеваго совѣта отъ 27 го авг. Напротивъ, по журналу С. Андрэ и письму голландскаго посланника Сварта фельдмаршалъ еще 27 авг.—7 сент. узналъ отъ бюргермейстера Велау объ отступленіи Левальдта и подъ влияніемъ этого извѣстія созвалъ военный совѣтъ. Впрочемъ, въ донесеніи изъ Тильзита самъ С. Андрэ говоритъ, что извѣстіе объ отступленіи прусской арміи отъ Велау было получено уже послѣ созыва военнаго совѣта 27 августа ст. ст.

съ своей стороны старался измѣнить это рѣшеніе и предлагалъ лучше держать путь черезъ Велау въ мѣстность у Лабіау, достигъ такимъ образомъ Куришь-гафа и подвезти ко нему нужный провіантъ, оставаясь въ то-же время вблизи Кенигсберга. Но представленія барона С. Андрэ ни къ чему не привели; впрочемъ, его завѣряли, что русская армія изъ Тильзита опять двинется на Лабіау и овладѣетъ берегомъ Куришь-гафа. Наконецъ, изъ Мемеля С. Андрэ извѣстилъ отъ 20-го октября, что отступленіе русской арміи продолжалось далѣе Тильзита, не смотря на всѣ его возраженія и совѣты, какъ именно слѣдуетъ преслѣдовать врага.

Вѣнскій гофкригератъ отнесся довольно спокойно къ отступленію русскихъ до Тильзита. Въ отвѣтъ на донесеніе С. Андрэ отъ 24 сентября онъ писалъ ему 11-го октября н. с., что, хотя это событіе и очень прискорбно, однако, если русская армія удержитъ полосу земли вдоль рѣкъ Гильге и Руссъ вплоть до р. Мемеля, то еще можно ждать новаго движенія впередъ и во всякомъ случаѣ это задержать прусскій корпусъ на восточной границѣ и помѣшаетъ ему двинуться на другой театръ войны. Но гофкригератъ отказывался понять, какимъ образомъ примирить ссылку на недостаточность провіанта съ извѣстіемъ журнала С. Андрэ объ истребленіи муки въ Гумбинненѣ. По мнѣнію вѣнскихъ военныхъ, нуждѣ легко было помочь, если-бы запасы изъ Гумбиннена и другихъ тыловыхъ магазиновъ продвигались вслѣдъ за арміей подъ охраной отъ непріятеля.

Хотя австрійскіе военные, Кемпель и С. Андрэ, не говорили объ «измѣнѣ» Апраксина послѣ егерсдорфской побѣды, а ставили ему въ вину только ненаходчивость и нерѣшительность, однако полковникъ Масловскій старается оправдать его и отъ этихъ обвиненій. Во всякомъ случаѣ военный историкъ долженъ признать одну ошибку за фельдмаршаломъ. Дѣло въ томъ, что Левальдтъ, приведя послѣ пораженія въ порядокъ армію у Пушдорфа и переиравясь на правый берегъ р. Прегеля, отступилъ на подготовленную имъ укрѣпленную позицію у Вилькенсдорфа (Петерсдорфа) и такимъ образомъ совершенно очистилъ путь на Кенигсбергъ, отдавалъ безъ боя оборонительную линію р. Алле. Только 21 августа (1 сентября) Левальдтъ исправилъ эту капитальную ошибку, занявъ позицію за р. Алле у Велау. Не воспользовавшись случаемъ захватить Велау и тѣмъ обезпечить переходъ черезъ р. Алле на прямомъ пути наступленія къ Кенигсбергу, Апраксинъ, не дожидаясь результатовъ двухъ рекогносцировокъ (Демолина 20 августа и 22 августа казачьяго отряда), отказался отъ мысли форсировать переправу у Велау, а остановился на планѣ обойти прусскую армію справа и 25-го августа стар. ст. занялъ окрестности Алленбурга. Масловскій оправдываетъ это уклоненіе въ сторону недостаткомъ положительныхъ данныхъ относительно укрѣпленной позиціи непріятеля у Велау, такъ какъ подробное донесеніе Демолина относитъ лишь къ 28-му августа

стар. ст. Но онъ самъ приводитъ (стр. 302 и 304 вып. I) краткое донесеніе того-же Демолина уже отъ 20-го августа, когда высоты около Велау еще не были заняты пруссаками, а С. Андрэ сообщаетъ о своихъ рекогносцировкахъ 23 августа (3 сентября) и 25 августа (5 сентября) и поданномъ имъ совѣтѣ занять возвышенность у Велау. Итакъ, надо признать, что Апраксинъ проявилъ 20 августа стар. ст. нераспорядительность, пропустивъ время, удобное для занятія Велау, а 25—26 августа стар. ст. нерѣшительность, отказавшись отъ мысли форсировать здѣсь переходъ черезъ р. Алле. Занятіемъ Алленбурга и лѣваго берега р. Алле русскіе сдѣлали позицію Левальдта у Велау опасною, а потому пруссаки, одновременно съ рѣшеніемъ Апраксина отступить къ Тильзиту, 27-го августа стар. ст. отошли къ Тапіавѣ. 28-го августа стар. ст. Демолинъ донесъ фельдмаршалу объ отступленіи прусской арміи пзъ Велау по направленію къ Тапіавѣ для прикрытія Кенигсберга, но это не могло заставить Апраксина измѣнить постановленіе военнаго совѣта 27-го числа. Тщетно С. Андрэ совѣтоваль теперь двинуться отъ Алленбурга черезъ Велау къ Лабіау, чтобы остаться вблизи Кенигсберга и завладѣть Куришъ-гафомъ для подвоза провіанта. Фельдмаршалъ предпочелъ болѣе безопасное отступление черезъ Инстербургъ къ Тильзиту. Правда, Масловскій признаетъ, что подвозъ провіанта по Куришъ-гафу былъ невозможенъ, такъ какъ для плаванія по гафу русскія галеры были непригодны, а необходимы особаго рода мелкосидящія суда и вооруженная флотилія для ихъ прикрытія (стр. 99—100, 104, 235—236, вып. I и прилож. стр. 56). Но С. Андрэ указывалъ и другую возможность для обезпеченія продовольствія у Лабіавы, а именно организовать подвозъ провіанта изъ Гумбиннена, даже Тильзита и округа Руссъ. По Масловскому, 2-го сентября стар. ст. было получено въ русской главной квартирѣ извѣстіе о набѣгѣ прусскихъ гусаръ на Гумбинненъ, но военный историкъ самъ не придаетъ ему большаго значенія, такъ какъ еще раньше полковникъ Герндорфъ съ частью запасовъ отбылъ въ Тильзитъ (стр. 317, вып. I) и доставилъ оттуда транспортъ на встрѣчу арміи къ 8-му сентября стар. ст. Наконецъ, Масловскій совершенно не касается вопроса о томъ, насколько личныя мнѣнія Апраксина могли вліять на постановленіе военнаго совѣта 27-го августа. Между тѣмъ фельдмаршалъ не только не скрывалъ отъ генералитета своихъ взглядовъ, но въ докладной запискѣ отъ штаба главнокомандующаго прямо заявилъ генералитету о «всѣмъ довольно вѣдомомъ» недостаткѣ продовольствія и указывалъ на цѣлый рядъ преимуществъ арміи Левальдта передъ русскими («Русская армія въ Семилѣтнюю войну», вып. I, стр. 306. Сравни «Архивъ кн. Воронцова», кн. IV, стр. 185). При такомъ порядкѣ военныхъ совѣтовъ С. О. Апраксинъ, намѣренно или неволью, всегда могъ произвести давленіе на подчиненныхъ, а потому и вся отвѣтственность за операціи арміи должна падать на него.

12-го сентября русская армія достигла Тильзита, а на слѣдующій день военный совѣтъ рѣшилъ перевести ее на правый берегъ Нѣмана и продолжать отступление далѣе къ крѣпости Мемелю. Масловскій оправдываетъ и это рѣшеніе русскаго генералитета переходомъ Левальдта въ наступленіе. Прусскій фельдмаршалъ 9-го сентября стар. ст. занялъ Алленбургъ, а 13-го сентября его авангардъ былъ уже въ окрестностяхъ Тильзита; такимъ образомъ онъ всегда могъ вынудить Апраксина къ рѣшительному бою подъ Тильзитомъ при самой невыгодной обстановкѣ. Оставаться и упорно оборонять этотъ городъ было невозможно, такъ какъ коммуникаціонныя линіи не были обезпечены. Движеніе на Лабіаву было возможно лишь послѣ побѣды надъ арміею Левальдта. Такимъ образомъ Апраксину оставалось одно средство — атаковать прусскую армію и въ случаѣ неудачи рисковать окончательнымъ поражениемъ. Если на столь рискованный шагъ русскіе генералы не рѣшались подъ Алленбургомъ, то тѣмъ болѣе это было неумѣстно подъ Тильзитомъ. Все это доказываетъ въ глазахъ Масловскаго, что единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ было — уклониться отъ боя и дать арміи оправиться за рѣкой Мемелемъ. Съ 13-го по 17-е сентября стар. ст. продолжалась переправа, а 18-го числа пруссаки заняли Тильзитъ (I вып., стр. 321—324). По нашему мнѣнію военный историкъ своими фактами отнюдь не опровергъ мнѣнія барона С. Андрэ о возможности удержаться въ мѣстности Тильзита и, оправившись, даже перейти въ наступленіе на Лабіаву. Осторожное преслѣдованіе арміею Левальдта свидѣтельствуетъ, что прусскій фельдмаршалъ не намѣренъ былъ безъ крайней необходимости вступать въ битву. О состояніи провіантскихъ запасовъ въ Тильзитѣ ко дню вступленія туда арміи даже самъ Масловскій замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ провіантъ не могъ служить препятствіемъ для перехода въ наступленіе и запасъ довольствія, необходимый для движенія къ Лабіавѣ, безъ сомнѣнія былъ налицо (вып. I, стр. 106). Это очевидно изъ того, что 1) для обратнаго движенія до крѣпости Мемеля армія взяла изъ Тильзита часть запасовъ, которыхъ хватало-бы и до Лабіавы, что 2) часть провіанта въ Тильзитѣ вынуждены были бросить и что 3) транспортъ, высланный въ сентябрѣ изъ Ковно, послѣ отступления изъ Тильзита былъ уничтоженъ около Юрбурга изъ опасенія, чтобы онъ не попался въ руки непріятеля. Тѣмъ не менѣе военный историкъ объявляетъ, что переходъ въ наступленіе русской арміи изъ Тильзита на Лабіаву въ сентябрѣ 1757 года былъ окончательно невозможенъ въ виду полного разстройства русскихъ войскъ, вытаскивавшихъ на себѣ изъ непролазной грязи обозы. Однако С. Андрэ ничего не говоритъ объ дезорганизаціи арміи, а вѣнскій гофкригератъ охотно удовлетворился бы и тѣмъ, если-бы С. О. Апраксинъ оставался въ области Тильзита и «низины», связывая руки корпусу Левальдта.

Итакъ, слѣдую мнѣнію очевидцевъ, барона С. Андрэ и капитана Кемпеля, мы признаемъ, что русскій фельдмаршалъ проявилъ въ сентябрѣ 1757 года такое неумѣнье найтись и столько нерѣшительности, что психологическое объясненіе для его поведенія невольно приходится искать въ сознаниі безответственности. Эта безответственность и послѣ размолвки съ канцлеромъ была, повидимому, обезпечена С. Θ. Апраксину заступничествомъ гр. Петра Шувалова. Да, наконецъ, и затрудненія, которыя преодолѣть казалось фельдмаршалу не по силамъ осенью, были созданы его небрежностью при подготовкѣ похода и затяжкой начала военныхъ дѣйствій зимой. Соглашеніе между С. Θ. Апраксинымъ, гр. А. П. Бестужевымъ и великой княгиней Екатериной, возникшее въ концѣ 1756 года, въ связи съ болѣзною императрицы, отразилось такимъ путемъ и на отступленіи фельдмаршала изъ Восточной Пруссіи, и на безуспѣшности всей кампаніи 1757 года ¹⁾.

Матеріалы, легшіе въ основаніе доклада.

Донесеніе Мольцана отъ 23 января (3 февраля) 1756 года. Бестужевъ съ своей стороны поддерживалъ мысль Уильямса о необходимости поднести 100 тыс. рублей Екатеринѣ: «qu'il étoit persuadé que l'affaire se feroit alors» (т. е. голштинскій обмѣнъ).

Донесеніе 30 марта (10 апрѣля) 1756 года. Мольцанъ передалъ Бестужеву все, что предписано было Бернсторфомъ въ депешѣ отъ 13 марта, а именно — согласіе короля сдѣлать подарокъ въ 100 тыс. рублей великой княгинѣ и въ тысячу дукатовъ Бернарди.

¹⁾ Еще *П. Пекарскій* въ статьѣ «Походъ Русскихъ въ Пруссію подъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина въ 1757 году» (Военный Сборникъ, т. III, 1858), ссылаясь на донесенія Уильямса, признавалъ, что замедленіе Апраксина ѣхать къ арміи было дѣломъ Бестужева. *М. Селевскій* въ статьяхъ «Противники Фридриха Великаго. Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ» («Военный Сборникъ», 1862 г., №№ 5, 6, 11) шелъ дальше и даже отступленіе С. Θ. Апраксина на Тильзитъ, за Нѣманъ, къ Мемелю объяснялъ тѣмъ, что будто-бы фельдмаршалъ продолжалъ соображаться съ политикой молодого двора. На допросѣ въ маѣ 1758 года С. Θ. Апраксинъ дѣйствительно показалъ, что онъ получилъ отъ великой княгини въ общемъ шесть писемъ, а въ три и что нѣкоторыя письма были имъ разорваны еще до слѣдствія; но и въ первыхъ письмахъ отъ Екатерины (о нежеланіи получать отъ него письма иначе, какъ черезъ Бестужева, о необходимости помириться ему съ гетманомъ К. Разумовскимъ) по словамъ самого фельдмаршала ничего не было «о воздержаніи отъ похода». Апраксинъ сознавалъ, что еще до отъѣзда изъ С.-Петербурга склонность Ихъ Высочествъ къ королю прусскому была ему хорошо извѣстна, но Бестужева, торопившаго его съ началомъ военныхъ дѣйствій, онъ, напротивъ, даже дозрѣвалъ въ денежной зависимости отъ дрезденскаго и вѣнскаго дворовъ, такъ какъ

Донесеніе Мольдана отъ 26 октября (6 ноября) 1756 года. По поводу Голштинскаго обмѣна Бестужевъ говорилъ: «que la prompte conclusion de cet accommodement étoit à l'heure, qu'il est plus nécessaire que jamais à cause du mauvais état de la santé de l'imp—ce qui augmentoit tous les jours et faisoit souvent craindre pour sa vie; qu'elle s'étoit encore samedi et lundy passés trouvée si mal que pendant plusieurs heures elle avoit été privée de l'usage de la vue; que les medecins attribuoient cet accident à ce que ses règles ayant tout à coup cessé, les humeurs lui en étoient montées à la poitrine et à la tête et l'auroient peut être suffoqué si l'on n'étoit pas parvenu à la faire saigner même contre son gré. Бестужевъ nous (Мольдана и Остена) assura que tous les symptomes de cette maladie faisoient beaucoup craindre, que Sa Maj—té Imp—le ne survit pas le printemps prochain, de sorte qu'il falloit faire son possible pour finir promptement notre affaire».

Донесеніе Мольдана 2 (13) ноября 1756 года. Мольданъ сообщаетъ de bonne part, что по мнѣнію перваго доктора при императрицѣ — Кондоиди, Елисавета не проживетъ дольше весны.

Донесеніе Мольдана отъ 5 (16) ноября. Императрица сама сказала Мольдану, что ея жизнь подвергалась опасности.

Донесеніе Остена отъ 1 (12) марта 1757 года. Отвѣтъ Екатерины черезъ Бестужева на письмо Бернсторфа отъ 28-го декабря. Здѣсь между прочимъ говорится: «Quant au reste de la lettre de Monsieur de Bernstorff à feu Ms-r de Moltzahn, j'imagine, qu'il n'a pas suffisamment expliqué la pensée de son maître, qui tout au plus aura apparemment voulu parler d'une avance en forme de prêt; de façon ou d'autre je n'en veux pas. Je ne veux pas douter, que le Roi de Dannemarc ne rende à ma personne et à mon caractère tous les égards et toute la justice que je me crois dûs; et qu'il doit savoir et être très persuadé que mon attachement pour la Russie est le seul et unique motif, qui puisse me porter à conseiller à mon espoux de sacrifier des droits et des prétensions aux quelles la force ni le malheur n'ont certainement pas encore imposé de prescription. Mais aussi, comme le roi de Dannemarc cherche un arrondissement si profitable de sa couronne dans cette échange, elle doit être nécessairement accompagnée de tout ce

зимній походъ будто-бы казался фельдмаршалу гибельнымъ для арміи. (Показанія С. Θ. Апраксіяна: «Канцлеръ прежде соглашался, чтобы изъ Риги зимою не идти и къ тому меня не побуждать, а, между тѣмъ, понужденія чинены были непрестанно; въ этомъ я и видѣлъ отмѣну канцлерскихъ «сентиментовъ». — «Правда, я говорилъ о канцлерѣ, что онъ подкупленъ вѣнскимъ и саксонскимъ дворами, да и теперь тоже думаю». — «Несмотря, однако, на это, я хотѣлъ идти въ походъ въ прямое время, а не зимою, такъ какъ видѣлъ, что зимній походъ былъ-бы для арміи весьма разорителенъ»).

qui peut la rendre la plus agréable et la plus commode au Grand Duc, dans les avantages duquel je trouverai toujours les miens puisqu'ils en sont inséparables». (Письмо отъ 18 января 1757 г.).

Донесение Остена отъ 4 (15) марта: «Madame la Gr. Duchesse s'est expliquée envers moi sur notre affaire, de la manière comme je l'avois appréhendé. Ses prétensions sont énormes. Elle demande outre le payement des dettes un million et demi en argent comptant»; разговоръ относится ко 2-му марта.

Донесение Остена отъ 20 (31) марта 1757 года. «Que ce ne sont pas les représentations du Grand Chancelier et de l'ambassadeur d'Angleterre, ni l'intérêt de la Russie, qui persuaderont jamais le Grand Duc de consentir au troc des pais, mais uniquement le grand besoin que Leurs Altesses Impériales ont d'une some d'argent, pour payer leurs dettes qu'elles ont ici. Leur détresse est incroyable; elles doivent aux marchands d'ici au delà de 300/m écus et elles ne trouvent plus personne qui voudra leur en prêter. Il n'y a que huit jours que M. la grande duchesse ayant besoin de cent Ducats a envoyé envain chez plusieurs marchands pour emprunter cette somme modique, laquelle enfin le chancelier, touché de pitié, lui a envoyé, quoiqu'il en eût grandement besoin lui même». «Tout depend à cette heure de savoir le montant des dettes du Holstein. S'il est vrai ce que feu M--r de Pechlin disoit qu'elles ne passoient pas la somme de 1500/m écus, alors supposant le cas qu'on se contentât ici de cinq cent mille écus outre cela, l'accomodement ne couteroit pas au roi au delà de deux millions, qui est la somme que Sa Majesté a permis d'accorder à l'extremité». «Le sieur Bernhardi me sert avec assiduité et fait de son mieux; son intérêt personel est attaché à la réussite de notre affaire, parce que madame la Grande Duchesse lui doit 24/m Roubles qu'Elle ne pourra pas payer, sans que l'accomodement se fasse».

Донесение Остена 5 (16) апрѣля. Замѣститель Пехляна, Штамбеке, при первомъ появленіи произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе на Остена. Онъ высказался передъ Бестужевымъ противъ обмѣна герцогства на графства, потому что это будто-бы пониженіе для вел. князя. «Mais il changeoit bien tôt quand le comte de Best. lui monroit une lettre qu'il venoit de recevoir de M--e la Gr Duchesse où cette princesse s'exprime à peu près dans les termes suivans, autant que j'en ai pu retenir en la lisant: Je recevrai Ms--r Stampeke parce que vous le voulez, mais comme son mariage avec une parente de Brockdorff le rend suspect à mes yeux, je ne lui accorderai ma confiance qu'à condition qu'il renonce à toute liaison et à toute amitié avec Brockdorff, qu'il m'obéisse en tout ce qui regarde le Hol-

stein et qu'il n'en parle jamais au Grand Duc qu'après m'avoir écouté auparavant» etc.

Донесеніе Остена весной (апрѣль — май) 1757 года. По словамъ Бестужева великій князь за столомъ въ присутствіи Екатерины и Штамбке сказалъ: «Ich weiss wohl, warum man Brockdorff, der ein ehrlicher Kerl ist, weghaben will; man will mich um Land und Leute bringen, ich kenne aber schon die Intriguen und werde sie zu bestraffen wissen». Бестужевъ думалъ, что Петръ мѣтилъ на Штамбке. Екатерину раздражило, что Брокдорфъ смѣетъ внушать такія мысли вел. князю и, по словамъ Бестужева, она ходатайствовала письменно о свиданіи у Елисаветы, дабы просить объ удаленіи Брокдорфа и Брауна въ виду того, что они поддерживаютъ вел. князя въ его склонности къ вину и къ союзу съ прусскимъ королемъ.

Донесеніе Остена отъ 18 (29) августа. Канцлеръ возобновилъ вопросъ о 100 тыс. руб., обѣщанныхъ вел. княгинѣ, и Остенъ долженъ былъ «tirer sur Pierre Hiss pour la somme de 15 000 roubles. Madame la Gr. Duchesse avoit demandé avant — hier par écrit Ms—r le Grand Chancelier de lui trouver cette somme, dont Elle avoit indispensablement besoin; mais ce Premier Ministre lui ayant répondu, qu'il ne sçavoit où la trouver à moins qu'elle ne permit qu'il m'en parlât. Elle y a consenti, mais que cela ne seroit qu'un prêt fait à Ms—r le Gr. Cancelier contre le quel Elle signeroit le billet, dont je joins ici la copie («J'avoue d'avoir reçu de M.—sr le Gr. Cancelier, C. de Best, la somme de 15000 roubles, que je promets de payer à celui qui tiendra ce billet quand il le demandera.») Ce billet me sera remis et restera entre mes mains jusqu'à ce que la dite somme sera remboursée».

Донесеніе Остена 19 (30) сентября. Канцлеръ потребовалъ еще 15 тыс. руб. для Екатерины. Хотя Остенъ и сталъ затягивать дѣло, но находилъ болѣе благоразумнымъ исполнить требованіе: «La peine que les autres ministres étrangers se donnent envain pour parvenir à donner de l'argent à madame la Gr. Duchesse me fait croire que la préférence qu'Elle nous y donne ne nous sera peut être pas désavantageuse. L'ambassadeur Imp—l a ordre depuis long temps de lui offrir 100/m roubles, l'ambassadeur de France a des ordres moins limités encore; mais leur première proposition qu'ils ont fait faire sous main, a été si mal reçue qu'ils n'osent plus revenir».

Донесеніе Остена 23 сентября (4 октября). «Ms—r le Grand Chancelier continue d'être très mécontent de Ms—r d'Apraxin, qu'il dit s'être conduit pendant cette campagne uniquement par les conseils du comte

Pierre Schouwaloff, qui n'a pas voulu qu'il s'éloignât trop des frontières afin que la campagne fût bientôt finie et que dès lors le dit comte le ferait venir ici en ville».

Донесеніе Остена отъ 17 (28) октября 1757 г. Канцлеръ негодуетъ на Эстергази за то, что тотъ сказалъ вел. князю «que lui, Ms—r le chancelier, étoit très porté pour notre négociation, et il croit, qu'il l'a fait par malice pour le perdre dans l'esprit de ce prince». Но Остенъ думалъ, что Эстергази сдѣлалъ все это по безтактности.

Донесеніе Остена 31 октября (11 ноября). Понятовскій отозванъ по представленію версальскаго двора за его близость съ Англійей. «On veut que la correspondance que Ms—r le Gr. Chancelier entretiendra tousjours avec le C. de Poniatowsky passe par mes mains de la manière que toutes les lettres chiffrées du dernier seront adressées à moi et écrites au Nom du ministre ou secretaire du Roi à Varsovie, auquel seront adressées toutes celles que Ms—r le Gr. Chancelier écrira dans mon Nom... En rendant ce service à nos amis j'expose ma personne, mais je crois exposer les intérêts du roi en m'y refusant По поводу слѣдствія надъ Апраксинымъ Остенъ убѣждается que c'est moins le mauvais général que l'ancien ami de Ms—r le Gr. Chancelier qu'on persécute dans la personne du dit maréchal. J'en ai fait marquer mes inquiétudes à ce ministre qui m'en a sçu bon gré, et m'a fait dire que quoique persuadé que Ms—r d'Apraxin pour ce sauver soi même le trahiroit, il avoit tousjours usé de tant de précaution qu'il ne se croyoit exposé qu'aux simples reproches de sa souveraine, auxquelles il étoit trop accoutumé pour en craindre les suites. Malgré tout cela son inquiétude est extrême et il a déjà commencé à bruler plusieurs papiers secrets et en a confié d'autres à ses amis. L'Imp—ce ayant appris que Madame la Gr. Duchesse par le canal du Gr. Chancelier a écrit au maréchal pour l'animer d'attaquer les Prussiens, en a été fort offensé et regarde les ordres de S. A. Imp—le quoique conformes à ses propres volontés, comme une atteinte portée à Son Authorité et semble vouloir s'en prendre à ce premier ministre».

Донесеніе изъ половины ноября. Остенъ радуется, что король одобрилъ выдачу денегъ вел. княгинѣ, и замѣчаетъ: «Cet argent ne mettra point L. A. I—les sur le Trône et ne les a pas tiré de leurs embarras. Au cune dette n'en a été payée et Msg—r le Grand Duc n'en a pas touché un obole. Les premiers 15/m roubl. furent depensés à Oranienbaum dans trois Bals masqués que M—me la Gr Duchesse donna à sa cour où chaque fois Elle donna à ses dames des Nippes pour la valeur de 3000 roubles. La dernière somme fut gaspillée ici en ville en moins de quinze jours et je suis sûr qu'il n'en reste pas un sou dans la caisse de Son Alt. Imp—le».

Донесение Остена 23 января (3 февраля). «Le Comte Alexandre Schouwaloff a pourtant été à Narva pour demander à Ms—r le maréchal d'Apraxin toutes les lettres qu'il a reçues de Madame la Gr. Duchesse lorsqu'il commanda l'armée. Le dit maréchal les lui a toutes remises en prêtant serment de n'en avoir caché aucune; mais au grand étonnement et à la honte de tous ceux qui croyoient y trouver de quoi perdre et cette princesse, et Ms—r le Grand Chancelier, on a vu que ces lettres ne contenoient rien qui fût contraire aux intentions de l'Imp—ce. Madame la Gr. Duchesse n'y fait qu'animer le maréchal Apraxin d'avancer avec l'armée et d'attaquer les Prussiens et je crois avoir déjà mandé à Votre Excell. que ces lettres ne furent écrites que par le conseil du Premier Ministre pour détruire en Ms—r le maréchal la crainte qu'on lui supposoit avoir de déplaire à leurs Altesses Imp—les, en avançant avec les troupes... On en accuse le Comte Esterhazy et le dit comte Schouwaloff a dit à Ms—r d'Apraxin que c'étoit cet ambassadeur qui avoit découvert cette correspondance à Sa Maj—té Impériale». Но Остенъ думалъ иначе: «с'est à l'indiscrétion du général Buckow que j'attribue tout ce qui s'est fait. Ce général au quel le Gr. Chancelier avoit montré une de ces lettres, pour le mettre en état d'assurer sa cour de la bonne disposition de M—me la Gr. Duchesse, l'a d'abord redit au Vice-Chancelier et au Chambelan Schouwaloff, lesquels actuellement ont profité de l'Imprudence du premier ministre et du général». Остенъ передалъ свое объясненіе Екатеринѣ, дабы она не возненавидѣла Эстергази.

Донесение 27 января (7 февраля). Но самого Бестужева ему не удалось убѣдить. «Je n'ai pas été aussi heureux avec Ms—r le Grand Chancelier comme je crois l'avoir été avec M—me la Gr. Duchesse, pour disculper le C Esterhazy. Ce Premier Ministre, qui conoit la haine que l'ambassadeur a contre lui, persiste dans son opinion qu'il est le seul Dénonciateur ou Délateur de cette Correspondance secrète».

Донесение Остена 13 (24) февраля. «Le Roi de Pologne vient de donner l'ordre de l'aigle blanc à Ms—r de Stambecke. C'est l'ouvrage de madame la Gr. Duchesse, du Gr. Chancelier et du C. de Poniatowsky». Но вел. князь не утвердилъ этого пожалованія, и лента отослана назадъ. Et il s'est expliqué Mardy passé durant le Bal à la cour envers le C. Esterhazy dans les termes suivans, scavoir: qu'il voyoit bien, que c'étoit une intrigue du Gr. Chancelier et du C. de Poniatowsky et que la Cour de Varsovie a voulu par là plaire à Madame la Gr. Duchesse, dont Stambecke étoit la créature. Ce prince ajoutoit encore qu'il étoit fort étonné de voir qu'on s'imaginait qu'il se laisseroit gouverner par une femme, mais qu'il montreroit qu'il ne se laisseroit mener par aucune de ce sexe». Затѣмъ вел. кн. у вѣхъ на виду около часу бесѣдовалъ съ императрицей, а камергеръ Шуваловъ старался, чтобы никто не подслушалъ этого разговора.

«Tout ce que j'en sçais c'est que l'Im—ce a été très contente de son neveu à cette occasion et l'a prié de continuer dans ces sentiments, qu'il venoit de lui marquer. Madame la Gr. Duchesse et tous ses partisans en sont fort allarmés, et V. E. s'imaginera facilement à quel point le Gr. Chancelier doit l'être. Ce Premier Ministre en m'en parlant le lendemain, s'est laissé emporter jusqu'à faire des souhaits que je n'oserai pas écrire. La Maj—té Imp—le ayant dans cette rencontre donné beaucoup de louanges à Ms—r de Brockdorff, Msg—r le Grand Duc l'a nommé dès le lendemain son Grand Chambellan». Остенъ просилъ Бернсторфа написать шифрованное письмо Воронцову «d'assurer le Vice-Chancelier de l'Estime et de la confiance du Roi».

Донесение 15 февраля. Въ субботу вечеромъ 14 (25) февраля Бестужевъ былъ арестованъ. Въ нотѣ, сообщенной Воронцовымъ Остену, говорилось о великодушii, съ которымъ императрица переносила канцлера: «Enfin Sa Majesté a vu avec regret que ce n'a été sans fondement qu'elle avoit soupçonné la fidelité de cet homme, vu qu'on en a découvert quantité de crimes, d'intrigues, de machination et d'autres actions noires qui ne tendoient pas à moins qu'à lézer la Majesté».

Донесение Остена 26 февраля (9 марта) о Екатеринѣ: «Quoique cette princesse s'aperçût que c'étoit contre Elle qu'on visoit, Elle parut néanmoins le lendemain à la Noce de Ms—r Butterlin, qui fut celebrée à la Cour, avec un air de Hauteur qui embarassoit tous ses adversaires, et paroissoit leur donner autant d'inquiétude qu'ils en avoient donné à leurs amis. Elle fit entendre à quelques uns que cela couteroit un jour la tête à ceux et à leurs enfants qui ne traitteroient pas les prisonniers avec douceur. Elle donnoit des Espérances à ceux qui montreroient de l'Humanité, et elle cajoloit les trois commissaires (Бутурлина, Трубецкаго и Александра Шувалова) d'une manière qu'ils sont fort embarrassés de leur commission, et souhaitent de n'en avoir jamais eu à faire. Elle s'adressoit surtout au prince Trubetzkoï qui lui a promis secretement d'empêcher que personne n'eût le knout».

«Monsieur de l'Hôpital voudroit cependant volontiers qu'on crût qu'il n'y a point de part, et que tout ce que cette affaire a d'odieux, tombât sur le comte Esterhazy. Mais on sçait bien que le dit Marquis n'a jamais cessé un moment de travailler à perdre le C. de Best. Il n'y a que deux mois qu'il disoit à l'Impératrice à la cour: qu'il devoit l'avertir qu'Elle avoit à sa cour un homme pernicieux à sa gloire et à ses intérêts et qui d'un moment à d'autre devenoit plus dangereux... Les reproches, qu'il reçut de sa cour, et les ordres, qu'il eut de cesser de poursuivre le Grand Chancelier, ne servirent qu'à enflammer sa haine et à

doubler ses peines. Il declara enfin au C. de Woronzoff que si dans deux mois le C. de Best. n'étoit pas arrêté, il ne s'adresseroit qu'à ce Premier Ministre et lui donneroit toute sa confiance. Le Comte Esterhasy de son côté ne manqua aucune occasion à perdre l'ancien et le véritable ami de sa cour, pour satisfaire sa haine personnelle, mais malgré les efforts unis des ambassadeurs, des Schouwaloffs, de Woronzow et d'Olsouffief, je doute, Sire, qu'ils eussent jamais obtenu leur but, si Monseigneur le Grand-Duc animé sans cesse par Ms—r de Brockdorff ne s'étoit pas déclaré contre le C. de Best., qui s'étoit perdu entièrement dans l'Esprit de Son Alt. Imp—le par l'ordre de Pologne qu'il avoit demandé pour Ms—r de Stambcke; et ce fut à cette occasion que ce prince dans l'entretien, qu'il eut avec l'Imp—le le 10/21 du passé, demanda pardon à Sa Maj—té Imp—le de la conduite qu'il avoit tenue jusqu'ici, en donnant toute la faute au C. de Best. qui lui avoit conseillé de s'opposer aux volontés de Sa Maj—té Imp—le et dès ce moment sa perte fut résolue. La Correspondance secrète avec Madame la Gr. Duchesse fut choisie, comme la cause pour le perdre, et dans cette vue on se saisit de Bernhardy, qui avoit été le porteur des Lettres et l'Entremetteur des intrigues amoureuses de Son Alt. Imp—le. Le S—r Adadouroff fut aussi pris, parce que l'on sçavoit qu'il avoit souvent servi de secrétaire à cette princesse. L'Impératrice en étoit déjà depuis long temps fort inquiète et craignoit qu'il ne s'y tramât quelque chose contre sa personne. D'un autre côté les ennemis du Gr. Chancelier, prévoyant que madame la Gr. Duchesse le vangeroit un jour, s'appliquèrent à aigrir Sa Maj—té Imp—le contre Elle et je ne doute point qu'ils ne fussent résolus de la perdre entièrement (pour) se mettre à l'abry de son ressentiment. On disoit partout qu'on pensoit de l'enfermer dans un couvent. . Msg—r le Grand Duc declara dès le lendemain au comte Alexandre Schouwaloff qu'il ne vouloit point qu'on attaquât son épouse, ni qu'on donnât la question aux prisonniers... L'ambassadeur de France, le comte Pierre Schouwaloff et le chambellan de ce nom, chacun séparément, l'un à l'insçu de l'autre, se sont humiliés devant elle et ont demandé ses bonnes graces. Son Alt. Imp—le les leur a promises, à condition qu'on ne donnât point la question aux malheureux et qu'on les traitât avec douceur et, quoiqu'on y négocie encore, je crois que la reconciliation se fera. Le C. de Best. s'en ressent déjà et est traité avec plus de distinction que les premiers jours.

Донесение Остена отъ 3 (14) марта 1758 г. Въ послѣднюю субботу арестованъ Штамбке: «par ordre de Msg—r le Grand Duc. La raison en est qu'il a entretenu une correspondance avec le C. de Best. depuis qu'il étoit enfermé. On avoit trouvé une lettre de lui à ce dernier et, quoiqu'elle ne contenoit que des assurances que ses amis faisoient tous leurs efforts pour le sauver, on soupçonna pourtant qu'il en a écrit d'autres, dont on

vouloit sçavoir le contenu. Dès qu'on eut découvert cette lettre dans la moelle d'un os, qu'on alloit porter sur la table du C. de Best., on relevoit les gardes de son Hôtel, qui avoient déjà commencé a se familiariser avec ses domestiques, et on ne lui sert plus de viande, qui ne soit coupée et visitée auparavant. La même nuit le valet de Ms—r de Stambcke fut enlevé, qui confessa d'abord qu'il avoit été le porteur de plusieurs lettres». Штабке подвергнутъ домашнему аресту. Екатерина просила у Остена 6 тысячъ рублей, но онъ въ виду обстоятельствъ уклонился отъ займа.

14 (25) апрѣля. «Je viens d'apprendre que Mad—me la Gr. Duchesse a vu aujourd'hui l'Imp—ce en présence du Grand Duc.».

12 (23) мая. «Son Alt. Imp—le parut Dimanche passé à la comédie à la cour».

Донесеніе 27 мая (7 іюня) сообщаетъ о второмъ свиданіи между Елисаветой и Екатериной.

16 (27) іюня. Понятовскій передъ отъѣздомъ просилъ Остена служить посредникомъ для его переписки съ Екатериной.

26 іюня (7 іюля). Бестужевъ «est traité avec distinction dans sa maison. L'imp—ce lui accorde 25 roubles par jour pour l'entretien de sa table et lui a envoyé dans la semaine passée 1500 roubles pour subvenir aux autres dépenses qu'il pourroit avoir».

10 (21) іюля. Екатерина «dit qu'Elle s'est bien appeçue que sa réconciliation avec le prince son epoux étonne autant qu'elle inquiète la Souveraine et les sujets, mais cela fait une raison de plus pour Elle pour la conserver et elle est résolue de ne rien négliger pour être bien avec lui. Les conditions auxquelles L—rs Alt. Imp—les se sont reconciliés, sont les plus extraordinaires, qu'on ait jamais vues entre Mari et Femme. Il a non seulement consenti qu'elle voye le C. de Poniatowsky, mais il a même promis de lui en faciliter les moyens. De l'autre côté la Gr. Duchesse a promis de rendre les mêmes services à son epoux et à mademoiselle de Woronzow».

21 іюля (1-го августа). Остенъ далъ Понятовскому шифръ для переписки.

Донесеніе 18 (29) августа. «Je ne suis pas moins exposé à présent, me voyant obligé d'entretenir un commerce de lettres avec Madame la Gr. Duchesse. Elle m'a envoyé diverses lettres, que le chambellan Schouwloff lui a écrites, où l'on voit l'empressement et le désir, qu'il a pour gagner ses bonnes graces. Elle demande mes conseils dans la situation présente. Je n'ay pu qu'y répondre, en lui conseillant de tâcher de s'emparer de l'espri

du Gr. Duc, de ne menacer personne et de recevoir pour amis tous ceux qui lui prouveroient leur attachement».

Донесеніе Остена 15 (26) декабря 1758 г. Письмо Екатерины къ Остену: «La confidence, que je Vous ai promise il—y—a huit jours, consiste en ce qu'il s'est ouvert une communication aisée et sûre entre le C. de Best. et moi. Il m'a chargé de Vous demander de l'argent; Wolff lui en a promis autant, à ce qu'il dit du moins, mais lui demande du temps; il veut dix mille et mille d'abord; il est tout plein de projets... et de courage; on diroit qu'il gouverne l'Europe de sa prison et prêche ses gardes en ma faveur. Il m'a fait dire de tirer de Monseigneur quatre mille, qu'il lui a prêté, car, dit il, je ne veux pas qu'il les aye, devoit on les jeter dans l'eau. Vous voyés qu'il n'est pas changé».

Остенъ отвѣчаетъ въ письмѣ Екатеринѣ между прочимъ: «Le courage et l'inflexibilité de Ms—r le Comte de Bestoucheff ne m'étonnent point, parcequ'ils sont conformes à l'idée que j'ai tousjours eue de son caractère; les malheurs ne l'accableront jamais et les projets périlleux conviennent d'ailleurs à sa situation: il est comme un oiseau dans une cave qui cherche à se sauver au péril même de s'étrangler; s'il reussit, il est sauvé et, s'il échoue, il ne peut guères être plus malheureux qu'il ne l'est présentement. Mais aussi faut il que je vous dise, qu'une telle conduite ne convient qu'aux infortunés, et je Vous conjure et Vous supplie au Nom de Dieu et au Nom de tout ce qui vous est cher dans le monde, de ne jamais entrer avec lui dans les desseins que je m'apperçois par Votre Lettre qu'il forme en Votre faveur. Son zèle pour Vous est louable et mérite toute Votre reconnoissance, mais la communication qu'il vous en fait, vous expose à tant de revers, qu'animé par le zèle, qui m'attache à Vous, je dois Vous prier de rompre plustôt, que de continuer avec lui une correspondance qui pourroit Vous devenir funeste... Pesez en même temps ce que Vous gagnerez, s'il réussit, et Vous verrez que l'avantage ne vaut pas le péril. Déjà le throne ne peut pas Vous échapper; voudriez—vous, pour y monter un moment plustôt, risquer d'en perdre à jamais l'accès? Vous pardonnerez, si je vous parle avec trop de liberté, en supposant des projets, qui peut-être n'existent point, mais la seule possibilité de leur existence suffit pour m'allarmer. Je connois le comte de Bestoucheff. Il n'a jamais sçu limiter les projets, et il n'a jamais vu de la difficulté dans l'exécution, que lorsqu'il ne fut plus temps d'y remédier».

Остенъ отказываетъ въ деньгахъ для Бестужева, проситъ Екатерину отвѣтить Бестужеву, что она даже и не передавала его просьбы Остену, и никогда не упоминать его, Остена, имени въ перепискѣ съ Бестужевымъ.

Донесение 18 (29) декабря, Екатерина прислала снова объяснительное письмо: «Loin de me fâcher de la franchise avec laquelle Vous me parlez, Je Vous en remercie. Vous me croyez l'Esprit plus entreprenant qu'il ne l'est, et Votre amitié pour moi a fait aller Votre pénétration au de là de ce qui en est. Je m'en vais vous détromper avec autant de sincérité, qu'en mérite la votre, et j'oublie avec satisfaction que Vous me croyez l'esprit aussi peu réglé, que les projets que Vous supposez à Ms-r de Bestoucheff, mais dont Dieu mercy il n'en existe rien. Je me hâte de Vous tirer d'inquiétude. Lorsqu'il s'ouvrit une voye (pratiquée avec succès au commencement par moi, mais pas chez lui et qui pourtant l'a sauvé) il me fit renouveler beaucoup de conseils et d'informations, il y ajouta, que je trouverai chez vous de l'argent, qu'il connoissoit que j'en avois besoin, pour qu'au moment critique de la mort de l'Imp—ce je n'en manquasse pas. Je lui répondis, que j'avois répugnance de Vous en demander; il négocia chez Wolff, je ne sais comment, et la réponse faite, comme je Vous l'ai mandé, il en revient à Vous en demander; ce que j'ai fait en son Nom plutôt qu'au mien par une mauvaise honte, qui a causé ce quid pro quo; et lorsque j'ai ajouté mille d'abord, c'étoit par la raison que Sch(k)ourin, qui me sert avec zèle et entendement, a acheté une terre de 3000, sur laquelle je lui ai promis mille. Permettez présentement que mon amour propre vous dise, que je suis incapable d'un crime de la nature de celui que Vous supposez. Si Vous me connoissiez plus particulièrement, Vous verriez que je suis moins altière de beaucoup, qu'on ne me croit, et que j'ai peut-être plus d'intrépidité dans l'Esprit que de hardiesse... Votre nom n'a point été nommé, ni ne le sera». Тогда Остенъ далъ тысячу рублей за собственный счетъ, занявъ у Эстергази. Остенъ хочетъ предложить Екатеринѣ занимать у Эстергази «qui m'a prié de lui procurer l'occasion d'en fournir à S. A. I. Je ne puis pas faire autrement si je dois épargner la caisse du roi. J'espère, Monseigneur, que l'assurance que je donne à cette princesse de lui fournir de l'argent au moment critique de la mort de l'Imp—ce, trouvera l'approbation de Sa Majesté; car si pour monter sur le trône il ne lui faut qu'une somme modique, elle en trouveroit certainement dans ce moment là partout ailleurs, et alors il seroit fort avantageux pour les intérêts du Roi, qu'Elle crût devoir la couronne aux bienfaits de Sa Majesté. (18—29 дек. 1758 г.) Остенъ поэтому писалъ Екатеринѣ: «Voici les mille roubles, que je Vous envoie pour mon propre compte. Je ne saurois pas Vous en fournir d'avantage dans le moment présent. Si vous aimez mieux prendre de l'argent chez le baron de Wolff, Vous en trouverez plus facilement, si vous demandez en Votre nom, que quand Vous employez celui du C. de Best, auquel personne n'osera rien prêter dans sa situation présente... Si c'étoit dans le moment critique de la mort de l'Imp—ce, je n'hésiterais certainement pas de tirer sur ma Cour et de Vous fournir la somme, dont Vous pourriez avoir besoin,

assuré comme je le suis dans ce cas de l'approbation et des intentions du roi». (Донесеніе Остена отъ 18 — 29 декабря).

Донесеніе Остена 29 декабря (9 января). «Ms—r Beringschiold m'a dit hier que Ms—r de Brockdorff l'avoit chargé de me dire en confidence que non seulement il ne s'opposeroit pas à l'échange, mais qu'il s'en iroit d'ici et quitteroit entièrement le service du Grand Duc pour donner sa place à quelqu'un, qui pourroit mieux finir cette affaire, si le roi vouloit lui donner une somme d'argent, dont il pourroit vivre ensuite honnêtement, mais il me fit entendre en même temps qu'il s'attendoit à cinquante mille écus». Остенъ находилъ, что это слишкомъ дорого, и отвѣтилъ, «que je lui donnerai la réponse dans le courant de cette semaine et la seule, que je lui donnerai, sera que j'en ai fait mon rapport au roi. Si cependant je puis porter messieurs les ambassadeurs à fournir chacun dix mille écus, je risquerai d'y ajouter autant et lui offrir les trente mille, à condition qu'il finisse l'affaire... Le comte Esterhasy m'a déjà dit qu'il donneroit volontiers quelques milliers de ducats pour qu'il s'en aille simplement, et il croit que Ms de l' Hôpital en fera autant; mais comme je ne suis pas autorisé de lui en offrir uniquement pour s'en aller...». «La Grande Duchesse m'a chargé en même temps de prier le C. Esterhasy de lui faire avoir de sa cour 50/m roubles, en me confiant que la cour de Vienne lui avoit offert il—y—a deux ans une pension annuelle de 12/m ducats, qu'elle n'avoit pas jugé à propos d'accepter alors. Le dit ambassadeur a répondu... qu'il en écriroit cependant à sa cour.

Донесеніе отъ 16 января нов. ст. 1757 г. гр. Эстергази: Эстергази имѣлъ разговоръ съ Елисаветой. Императрица подтвердила лично, что она «dem Feldmarchallen Generalen Apraxin aufgetragen hätten, alles dahin anzuwenden und zu versuchen, damit derselbe noch diesen Winter gegen Preussen etwas unternehmen und ich versicheret seyn solle, что она Ihre Orts alles, was nur immer möglich seye, zu Ausführung der gemeinsamen Absicht aufrichtig beytragen würde».

1-го февраля 1757 г. нов. ст. прибылъ въ С.-Петербургъ австрійскій генераль-фельдмаршалъ-лейтенантъ ф. Букковъ. По поводу переговоровъ о голштинскомъ вопросѣ и о войнѣ Эстергази писалъ отъ 9-го февраля: «Das beste ist, dass die Russ. Kayserin dermahlen ziemlich gesund ist, wobey besonders merckwürdig, dass, sobald sich dieselbe wohl befinden, die Geschäfte gleich geschwinder gehen, und man auf den Grossfürsten wenige Rücksicht trage; sobald aber die hiesige Monarchin etwas unpässlich ist, so stehet schon jedermann wegen des Grossfürstens in Forcht».

Донесеніе Эстергази отъ 9 марта: «Der Gross-Canzler ist so kek, dass er mit der Grossfürstin einen unerlaubten und der Russischen Kayserin May—tt

nachtheiligen Briefwechsel unterhaltet, und diese junge Herrschaft in ihrem Ungehorsam noch zu steifen suchet. Dem Generalen von Buccow hat der Gross-Kanzler ein-und anderes von der Grossfürstin an ihn geschriebenes original Billet vorgewiesen.. Gleichwie nun der Russischen Kayserin dieses garnicht verborgen, so ist (она) auf den Gross-Canzler höchst aufgebracht und mit seinem so gestalteten Betrag nunmehr auch missvergnügt, dass seit meiner Anwesenheit wegen des Gross-Kanzlers gewiss noch niemahlen eine so grosse fermentation, als dermahlen, gewesen ist; und wan die Russische Kayserin hierinfallt nicht eine Acte d’Autorité vorniehm, so ist sicher und fest, dass der Gross-Kanzler, so viel von ihm abhängen kan, sich allen Anliegenheiten und denen aus dem neuen Staats-Systemate herfließenden gemeinnuzlichen Absichten nach seinen äussersten Kräften zu widersezen und alles, was denenselben — es koste, was es wolle — Hindernisse im Weeg zu legen vermag, von allen Orten hervorzusuchen, niemahlen aufhören werde».

Донесеніе Эстергази отъ 15 марта 1757 г. Узнавъ, что Апраксинъ не считаетъ возможнымъ начать операциі ранѣ мая, Эстергази писалъ генералу С. Андрѣ въ русскую армию: «Alle Umstände haben nun in das klare gesezet, dass der Fm. Apraxin die operationen mit Willen verschoben, und die darzu gehörige Nothwendigkeiten herbey zu schaffen solchergestalten vernachlässiget habe, dass dermahlen freylich nicht mehr möglich vor den Sommer etwas zu unternehmen; es will dahero nöthig seyn, dass auf seine Demarchen ein obachtsames Aug gehalten, und seinen Monstrationen nicht getrauet werde. 15 марта 1757 г.».

Донесеніе 24 апрѣля 57 г. Эстергази представилъ Кауницу обширную ноту, направленную противъ всего поведенія и всей политики Бестужева: «So sehr ich mir aber auch Mühe gegeben durch Baron v. Buccow sowohl, als durch den bei ihm in gewissen Vertrauen stehenden Poniatowsky zu erfahren getrachtet, in was dann eigentlich seine wider mich habende Griefs mit Namen bestehen mögten, um mich darnach achten zu mögen, haben doch beede nach wiederholten Verwendung keine andere, als die Spuhren eines fest sitzenden Vorurtheils entdecken können. Бестужевъ сблизилъ Уильямса съ молодымъ дворомъ. Эта интрига канцлера сдѣлала велика князя и всѣхъ, кто глядитъ въ будущее, врагами «новой системы». «Der üble Gesundheits-Stand und die Langmuth der Kaiserin von einer Seite, des Williams durch die G. Fürstin gestützte Unterbauungen von der anderen, und, so weit es die Verhinderung der französchen Absichten betraf, des G. Canzlers Einblassungen von der dritten Seite, machten den G. Fürsten täglich dreuster, bis dass er endlich eine ganz laute Sprache zu führen und auf eine hier unerhörte Arth sich mit Bedrohungen künftiger Zei-

ten herauszulassen nicht mehr gescheuet. Hiermit hat die Politique des G. Canzlers den gesuchten Endzweck erreicht, denn, da der G. Fürst die gute... Wirkung dessen an Hand gegebenen Rathes abzuspühren und alles zu zitteren angefangen, so hat der G. Canzler dadurch der G. Fürstlichen Herrschaft vormahlige starke Abneygung auf einmahl in ein gänzlichcs Zutrauen zu verändern gewust. Diese neue Stütze nun ware und ist einiger Massen noch die einzige, nach welcher der G. Canzler mit Hintansetzung aller Rucksicht gegriffen, um zu einer Zeit seinem Untergange zu entrinnen, da er nur noch zwey Finger breit von seinem ohnfehlbahren Verderben entfernt gewesen... Ja es gienge so weit, dass selbst der Cammerher Schuwalow eine Arth der künftigen Sicherheit darinnen zu finden glaubte, wann, wie würcklich geschehen, der G. Canzler seine Erhaltung dessen äusserster Verwendung zu verdanken haben würde... Und da der einzigste Zeitpunkt erschienen Preysen zu demüthigen, so ergiebet sich's, dass man seine Vorlieb vor das alte Systeme nicht der Klugheit seiner Einsicht, nicht seiner daraus .entstandenen Fermeté... sondern bloss seinen Neben-zwecken beyzumessen habe(n)...

Mittler Weile hat man G. Fürstl—r Seits... dem neuen Systemati alle Thüren zu verschliessen, denen Englischen Absichten aber Beförderung zu schaffen gesucht. In dieser Absicht hat man sich an dem Apraxin gewendet, und solchen, nach dreist zu erkennen gegebener Gedenkens - Arth, in die Verlegenheit gesetzt, denen von der Kaiserin selbst empfangenen Befehlen nicht nachleben zu können, ohne Forcht dem jungen Hofe äusserst zu missfallen, und bey etwa erfolgender unglücklicher Veränderung sich selbst in ein unvermeydliches Verderben zu stürzen. Ein Umstand worüber Apraxin sich dem klaren Buchstaben nach geäusseret, und welcher selben bewogen nicht nur seine Abreysse so lang möglich zu verschieben, sondern auch die leicht zu verfügende Veranstaltungen der Nothdurft versäumen und endlich ihn mit dem festen Vorsatze, ja gegen die G. Fürstin gegebenen Worte, abgehen gemacht: die künftige Zeiten abwarten, die Operationen durch alle scheinbahre Ausflüchten auszusetzen und seine Beschützung selbst seinen vor der jungen Herrschaft zitterenden Gegnern, wie auch seinem neuen Freund dem Peter Schuwalow überlassen zu wollen... Des G. Canzlers unerlaubte menées — da ist die Quelle alles Unheils zu finden!... Alles dieses ist der Kaiserin nicht unbekannt: Sie weiss und verabscheuet es nebst den Urheber! würde auch bereits die ergiebigste Mittel getroffen haben, wann Sie in der Geschäften Routine bewandelte subjecta vor sich zu haben glaubte. Ich kann mit der vollkommesten Gewisheit sagen, dass diesem allen ungeachtet die Frau vor kurzen schon auf den point gewesen seye, den Coup zu frappiren... Es mag aber der G. Canzler sich weiters erhalten, oder nicht, so ist in beeden Fällen eben kein allzugrosses Unheil mehr durch

Ihn zu befürchten; denn entweder giebt es Mittel ihn über vieles selbst zum Ziehl zu führen, oder wird endlich durch andere Weege bey der Kaiserin selbst durchgesezt werden können, was jener vereiteln trachten dürfte... Dahero denn auch nicht zu zweifeln stehet, dass die Russische Armée endlich auch in Bewegung gelangen und, wann die Machine einmahl im Gang ist, auch das angehoffte beytragen werde».

Донесеніе Эстергази 2 августа 1757 г. Русская армія перешла Нѣманъ. Елисавета сказала Эстергази, что Апраксинъ долженъ быть уже въ Пруссіи. Эстергази замѣчаетъ Кауницу: «dass die so langsame Zuwerckgehung nicht dem Geld Mangel, sondern... des Fm Apraxin bekanter Bangigkeit und denen ihm von der jungen Herrschaft anfänglich beygebrachten principijs guten Theils zuzuschreiben seye».

Донесеніе 27 августа 1757 г. «Das bedencklichste ist, dass die Russ. Kayserin von des Grossfürsten und seiner Gemahlin thun und lassen und allen ihren Kleinigkeiten exacte informiret seye und, wan davon die Rede ist, sich gleichwohlen nicht anderst als mit diesen Worten äussere: lasset sie nur so fortfahren. Ingleichen kan die Russ. Monarchin den Gross-Canzler als den Urheber und Aufheber, dass der Grossfürst und sie (Екатерина) höchstderoselben (Елисаветѣ) recht in allem zu missfallen suchen, dermahlen weniger als jemahlen leyden, welches der Gross-Canzler auch gar wohl beobachtet, mithin nicht wenig niedergeschlagen... ist»...

Донесеніе Эстергази 9 сентября. По поводу извѣстія о побѣдѣ при Гроссъ-Егерсдорфѣ Эстергази пишетъ свой выводъ: «Dass es dem hiesigen Hof doch jederzeit wahrer Ernst gewesen seyn müsse, und keineswegs das Englische und Preussische Geld denselben bis nun zu von vigoreusen Unternehmungen abgehalten habe, sondern dass die diesseitige Verzögerung einzig und allein des Fm Grafen Apraxin schlechten Vorkehrungen und seiner damit verknüpften Bangigkeit, dan der Rueksicht auf die junge grossfürstliche Herrschaft ob der Russischen Monarchin vormahligen Kranckheit zuzuschreiben seye».

Донесеніе Эстергази 23 сентября. Извѣстіе объ отступленіи Апраксина. «Ich vernehme auch von einem ganz zuverlässigen Ort, dass Sie über die in der Bataille bey Grossjägersdorf gebliebene Russen scrupulos zu werden anfangen, worzu insonderheit die bey ihr in grossen Ansehen stehende Geistlichkeit Schuld tragen solle».

Донесеніе 27 сентября. Эстергази не надѣялся, чтобы Апраксинъ исполнилъ приказъ Елисаветы — «alles menschmögliche anzuwenden, um festen Fuss in Preussen zu behalten», когда онъ узнаетъ о болѣзни императрицы. «Und da die hiesige Monarchin lezthin... scrupolos und perplexe

zu werden anfanget, benebst die Geistlichkeit wegen der in der Bataille gebliebenen Russen Ihr immer in denen Ohren liegen, so ist noch dahin gestellet, *захочеть-ли она продолжать войну*. Dan da Sie den 19 (сент.) zu Czarsko selo nicht in der Schloss-sondern in der öffentlichen Kirchen in Gegenwart einiger 100 Menschen zur Erden gefallen, einige Viertel Stund ganz ausser sich und fast ohne Leben gelegen, so will Sie solches nicht einem natürlichen, sondern ominosen Zufall ausdeuten». Эстергази счелъ даже нужнымъ сдѣлать запросъ Кауниццу, «ob ich die Medio Novembris fällige weitere Conventions-Gelder hier auszahlen solle, oder nicht».

Донесение Эстергази 4 октября. «Der Gross-Canzler aber in meiner und deren meisten Gliederen Gegenwart dem F. M. Apraxin auf eine freye und offenherzige Art die Schuld der so spät eröffneten Campagne und des Zuruck Marsches einzig und allein beyzumessen, kein Bedencken getragen». П. Шуваловъ держалъ сторону Апраксина.

Донесение 14 октября. Нотой отъ 30 сент. 1757 г. русское правительство увѣдомило союзные дворы объ отступленіи Апраксина и признало его доводы заслуживающими уваженія. По Эстергази въ этой нотѣ русскій дворъ «gar kein Geheimnuss mehr machet, aufrichtig zu bekennen dass der Feldzug dieses Jahr... geendiget seye».

Донесение Эстергази 20 ноября. Чтобы имѣть точныя свѣдѣнія о положеніи русской арміи, Эстергази посылалъ къ генераль-фельдмаршалу-лейтенанту барону С. Андрэ въ русскую армію «den Hauptmann v. Kempel». 25 октября Кемпель вернулся и представилъ отчетъ. Изъ него выяснилось, «dass der üble Ausschlag der diessjährigen campagne nichts weniger als einer Verrätherey, sondern einzig und allein des Fm. Apraxin Bangigkeit und Unerfahrenheit, sodan die so lang verzögerte Kriegs Operationen denen zwischen ihm und der jungen Herrschaft fürnemblich aber der Grossfürstin fürwaltenden geheimen Umständeu (wovon der Gross-Canzler vollkommen Wissenschaft gehabt, solches aber auf eine unerlaubte Weiss der Russ—en Monarchin verhellet) unwidersprechlich zuzuschreiben seye. Кемпель въ своемъ отчетѣ о кампаніи 1757 г. приходитъ къ выводу, wie wenig auch künftig auf die Ergiebigkeit einer Russischen Hülfe zu bauen seye, insolange die dermahlig innerliche Verfassung nicht gänzlich umgegossen und unendlich viele wesentliche Missbräuche bey der Armée aus der Wurzel geriessen werden mögen». Отступление Кемпель считалъ ошибкой, которая ничѣмъ не оправдывается :

«Nichts wäre billiger und natürlicher gewesen, woferne dem Übel kein Rath übrig geblieben wäre. Es wurden aber deren verschiedene von dem Herren Generalen Baron v. St. André zur Auswahl unterleget und zwar

1.º) sich, wie gedacht von Welau und Tapiau so fort zu bemächtigen, oder wenigstens, nachdem Beydes vom Feind verlassen und von dem dortigen Bürgermeister selbst darüber die Nachricht gebracht worden, davon Besitz zu nehmen, so dan das in Gumbinen und Insterburg hinterlassene Proviant auf der Inster nachzuschiffen... biss man das nur 3 Marche davon entlegene Labiau erreicht und Anstalten getroffen hätte, von Memel auf dem Haff, ja selbst von Tilsit, wohin man sich der vivres wegen replijren wolte, die erforderliche Abundanz zur Armée zu schaffen oder 2—do.. all das unnütze und verderberische Gesinde derer Cosaquen... nebst der Menge blesirten, Krancken, unnützen Bagage und Dross, gleich nach der Action gerad nacher Tilsit zu schicken, mit dem Kern der Amée aber (so nach ansich Ziehung des Vorraths in Insterburg und Gumbinen beinahe auf einen ganzen Monath genau ausgerechnet, verproviantiret gewesen wäre) sich jenseits der Demme mit dem rechten Fliegel an Labiau und a porte von Königsberg zu setzen, sodan aus der mit allem Überfluss gesegneten Gegend der so genannten Niedrigung, des noch unverletzten Amts und Insul Russe, alles das aufzubringende herbey zu schaffen; hiermit hätte man die Entblössung der feindlichen Absichten abwarten, Königsberg einnehmen und folglichen allen künftigen Abgang ausweichen, benebst aber auch die nöthige Winter-Quartier versichern können». Кемпель считалъ, что время для выполнения такого плана еще не ушло. Но русский генералитетъ избралъ худшее: «rückte unversehens (anstatt den schönen, vom General S—t André recognoscirten, vom General-en-Chef Fermor aber aus verborgenen Ursachen voller Defileen und inpracticable angegebenen Weeg nach Welau... zu nehmen) nach Aallenburg, гдѣ der Armée und Bagage durch einen ganzen Wald erst eine Öffnung gebahnet werden müssen ¹⁾». Затѣмъ отступление пошло на Insterburg и Tilsit. «Man hielt den 24 sept Kriegs-Rath, beschoss ein durch die Laag selbst fast unangreifliches Laager jenseits dem Memel (Niemen) annoch best möglichst zu sortisiciren... Einige wenige Hussaren liessen sich kaum sehen, als man die ganze feindliche Macht zugegen haben wolte und dieses gabe dem General Fermor Anlass посоветовать фельд-маршалу перевести армию на другой берегъ Мемеля. Отъ барона С. Андрэ davon bis die lezte Stund ein Geheimnus gemacht und der Fluss würcklichen ohne von Feind beunruhiget zu werden, solchergestalten passiret worden».

Донесеніе Эстергази отъ 25 ноября. На свадьбѣ Салтыковой и Измайлова Эстергази велъ разговоръ съ Елисаветой (вѣроятно, 11 ноября

¹⁾ С. Андрэ два раза подавалъ советъ идти черезъ Велу — въ первый разъ непосредственно послѣ егердорской битвы и, вторично, въ Алленбургѣ. Кемпель въ своемъ донесеніи невольнѣ различаетъ ихъ.

ст. ст.) «Wobey merkwürdig ist, dass die hiesige Monarchin des F. M. Apraxin unvermuthete Zuruckziehung einer geheimen Ursach unterworfen seyn zukönnen, vast zu glauben geschienen habn; dahero höchstdieselbe mir eröffnete, wasmassen sie in einem eigenhändigen Schreiben von ihm Apraxin seine ganze Correspondenz anverlanget, und den Gral Procureur Knees Trubezkoy, dan den Vice-Canzler Woronzow nebst den 2 Brüdern Best. und Gr. Peter Schubalow zu commissaires ausersehen hätte. Nach diesem hatte die Russ. Kayserin mir abermahlen von des Gross Canzlers widriger Gesinnung, Intriguen und Nebenabsichten eine sehr schlechte Beschreibung gemacht und sich gegen mich dahin geäusseret, wie sie nicht wüste, was Sie mit ihm anfangen könne noch solle? Worauf ich lächlend und ganz natürlich geantwortet, dass eine ihm Gross-Canzlern zu seiner Versorgung zugebende zulängliche Pension in Ansehung ihres und des damit verknüpften Interesse gewiss hundertfältige Zinsen abwerfen würde. Ingleichem hatte mir die hiesige Monarchin von dem Grossfürsten angefangen, sagende: dass sie gern dan und wan sich mit ihm bereden und von ihres Reichs und anderen Sachen sich in einen Discours einlassen wolte; allein gienge zu ihrem grösten Leydwesen nicht ein vernünftiges Wort aus seinem Mund und wäre überhaupt sein ganzes Betragen und Ausführung gar schlecht beschaffen».

Донесение Эстергази 25 ноября. «Übrigens vernehme ich weiters, dass der Grossfürst bey dem favoriten Schubalow über die Franzosen erst recht lossgezogen habe, sagende: dass von diesem Hof niemahlen etwas zu erwarten seye, und gleichwie er Grossfürst von der Russischen Kayserin nichts zu hofen hätte, benebst hier in einem beständigen Zwang nicht leben könnte, so mögte er favorit von der hiesigen Monarchin ihm die Erlaubnuss auswürcken, dass er sich von hier weg und nach seinem Land, wo er lieber als Obrister leben wolte, begeben dörfte. Gleichwie nun Елисаветъ Шуваловъ alles erzehlet hat, so können sich Euer ExIz unschwer vorstellen, wie die Russ. Kayserin über diese unvernünftige Äusserungen gekräncket seyn müsse? und ist aus des Grossfürsten Reden nicht undeutlich abzunehmen, dass ihm alles dieses von dem kecken Canzler in den Mund gelegt worden seye».

Донесение Эстергази отъ 6 декабря. Канцлеръ сообщилъ Эстергази, что Ферморю «gestern durch einen Courier der geschärfte Befehl zugeschiekt worden seye, dass Er coüte qu'il coüte nach Preussen zuruckkehren, alda die Winter-Quartier nehmen und sich der Stadt Königsberg bemächtigen solle».

Донесение Эстергази 20 декабря. Императрица «17—t hujus als an St. Nicolai Fest, da sie 4 Stunden in der Kirchen gewesen und sich verkältet

haben, abermahlen mit einer so schweren und einem Schlag-Fluss vast gleichkommenden Ohnmacht, oder so genanten Syncope überfallen und der ganze Hof andurch in nicht geringe Forcht und Schrecken gesetzt worden... Unbeschreiblich ist, wie sich die ganze Schubalowische Familie und die Gräfin Woronzow, da er Vice-Canzler noch nicht ausgehet, nicht minder der Gross-Canzler dem Grossfürsten, seinem nunmehrigen Favoriten-dem General Major von Brockdorff zgedrungen, und sich über die andern zu erheben gesucht haben».

Донесение Эстергази 30 декабря. Вчера императрица сказала Эстергази, «dass der General Fermor den 26—ten Decembris Styli Veteris mit der ersten Colonne den Marche nach Preussen antretten und der Rest der Russ. Armée sogleich nachfolgen solle».

Съ курьеромъ отъ 31 января 1758 г. Брокдорфъ подорвалъ влияние Бестужева у вел. князя. «Die Russ. Kayserin selbst hat mir lezthin gesagt, dass die Umstände und der vorige Zusammenhang zwischen dem Gross-Fürsten und dem Canzler sich ganz und so abgeänderet hätten, dass der erstere von dem lezteren mit vieler Verachtung rede, nur die Gross-Fürstin seye dem Grafen Bestoucheff noch etwas zugethan; und finge in Ansehung ihr, der hiesigen Monarchin, seit kurzem sich der Gross-Fürst ganz anderst und so zu benehmen, dass Sie hierüber mehrere Zufriedenheit zu bezeigen Ursach hätte. Was den Gross Canzlern betrafe, so hätte Sie, die hiesige Monarchin, seit einigen Monathen ihn nicht über 3 oder 4 mahlen gesehen, und wäre ihr nicht verbogen, dass er Sich krank zu seyn öfters simulire, öfters aber auch in der That krank wäre; er der Gross-Canzler finge an alt und zur Arbeit untichtig und verdriesslich zu werden; allein könnte ich versichert seyn (waren Ihre eigene Worte), dass wir seiner bald quit seyn würden».

Донесение 3 февраля 58 г. По поводу посылки Александра Шувалова въ Нарву для отобранія переписки у Апраксина Эстергази замѣчаетъ: «Ich zweifele aber sehr starck, dass das von der Grossfürstin an ihn Canzlern geschriebene und dem H—n Grafen Baron von Buccow vorgelesene original Billet, vermöge welchen der Apraxin nunmehr die operationes in Preussen anfangen könne, sich unter denen abgenommenen Briefschaften befinden werden».

Донесение Эстергази 24 февраля. Курьеръ привезъ ключи Мариенвердера. «Der Grossfürst ist dermahlen mit der Russischen Kayserin in bestem Vernehmen und Ihro May—tt seynd mit dessen Betrag sehr zufrieden, ich schmeichele mir, darzu ein vieles beygetragen zu haben und ich fahre fort, von S—r Kays. Hoheit mit vieler Güte und Vetrauen be-

gnädiget zu werden... Dagegen hat sich der Gross-Canzler nun auch damit äusserst verhasst gemacht. Seine bisherige Kanckheit hat abermahlen eine Intrigue ausgehocket und bestunde darinnen: dass dem Grossfürstl. geheimen Rath Stambke auf Verlangen der Grossfürstin der Pohnische Orden durch des Poniatowsky Verwendung zugestecket worden. Nicht nur die Kayserin, sondern auch der Grossfürst seynd darüber sehr aufgebracht und da beyde ihre Einwilligung darzu versagt, so ist der Orden wiederum zuruckgeschickt. worden».

Донесеніе 26 февраля. Вчера арестованъ Бестужевъ. Потой отъ 15 февраля с. с. русское министерство извѣщало объ этомъ Эстергази.

Донесеніе Эстергази отъ 14 марта 1758 г. «So hat man währendem Arrêt des gewesten Gross-Canzlers sowohl von ihm selbst, als von verschiedenen Persohnen, worunter fürnehmlich die Grossfürstin, der B. Stambke und der Rasumowsky zu zählen seynd, ein-und andere Briefe zu intercipiren Gelegenheit gefunden... Was nun den geheimen Rath Stambke betrifft, so hat die hiesige Monarchin von dem Grossfürsten, da sein Ministre mit einem Staats-Arrestanten sich in einen strafbaren Brief-Wechsel eingelassen, eine zulängliche Satisfaction begehret; worauf der Grossfürst denselben so gleich arretiren und das examen vornehmen lassen... Ehe und bevor aber der Stambke gefallen ist, so hatte die Grossfürstin, welcher leicht begreiflicher Massen bey dieser Sache nicht gut zu Muth seyn kan, denselben zweymahl zu mir geschickt, und sich meinen guten Rath und bona officia zu Beylegung dieses Unwesens mit vieler Angelegenheit ausbitten... gleichwie aber die Russische Kayserin sich lezthin über der Grossfürstin unvernünftiges Betragen, Hoffart und Trotzigkeit gegen mich sehr beklaget und ohnedas ein fremder M—nre sich in die domestica nicht mischen muss, so habe in ganz unverfänglichen, jedoch Compliment-vollen Ausdrückungen diese Sache mit dem von mir abzulehnen getrachtet, dass meines geringen darfürhaltens das beste seye, wan sie vor Allem die Vermittelung ihres H—n Gemahls, welcher der Russischen Monarchin höchste Gnad und Vertrauen vollkommen besizete, bey diesen Umständen suchen würde. Dem Grossfürsten habe die Absckickung des Stambke nicht verhalten zu sollen für gut befunden, welcher diese Offenherzigkeit auch überaus wohl aufgenommen und mir geantwortet hat, dass, wan er auch ihr der Grossfürstin was gutes rathen will, gleich wiederum andere, welchen sie Gehör giebt, solches zu verderben trachten; unter dessen wäre für sie kein anderes Mittel übrig, als sich der Russischen Kayserin gänzlich zu submittiren».

Эстергази доноситъ 31-го марта. Новая вина Бестужева выплыла наружу. «Da aber unter anderen von den in seinen Händen gewesten Geldern sich bey 70 m. Rubel unrechtmässiger Weiss zugeeygnet und in Rech-

nung gebracht hatte, dahero er vielleicht nicht ohne alle Leibs-Straf bleiben dürfe».

Донесеніе Эстергази 7-го апрѣля. «Was ich sonst von dem Grafen Bestuchef Hartnäckigkeit... erwehnet, bestehet fürnehmlich in dem, dass, da die Russische Kayserin ihn fragen lassen, ob er an dem für den Baron Stambke destinirt gewesten Pohnischen Orden nicht Antheil gehabt, er solches platter Dingen geläugnet und das heylige Abendmahl hierauf empfangen zu können betheueret; da man ihn aber frey seines eigenen Billets überwiesen und er sich entschuldiget, dass ihm solches aus der Gedächtnuss entfallen, so hatte die Russische Kayserin ihn Best. so gleich nach der Vestung bringen lassen wollen, wovon man sie aber damahlen noch abzuhalten gesucht hat.».

Донесеніе Эстергази 19-го апрѣля. ¹⁾ Эстергази повторяетъ, что Бестужевъ сталъ искать опоры у молодого двора, когда замѣтилъ, что вліяніе его у Елисаветы падаетъ. Но канцлеръ, желая всюду проводить свою волю, слишкомъ натянулъ струну и потерялъ сразу довѣріе великаго князя, который сталъ тогда сближаться съ императрицей. «Der junge Hof, so vorher niemahls in einige Rücksicht gezogen werden dürfte, noch einen Willen oder irgend einen Antheil an deren Geschäften zu haben pflegte, fieng mit einmahl, zufolge der gesteckten Rathschlägen den Kopf zu erheben, zu drohen und mit einem Worthe ihren Willen der Kaiserin Maytt höchsten und erspriesslichsten Gesinnungen entgegen zu setzen, auch öfters würckl. durchzusetzen... So hat er (Бестужевъ) auch durch seine übertriebene Dristigkeit, seine Personel-Passionen und die beständige Fortsetzung sich selbst creuzender intriguen den Bogen so hoch gespannt, dass sein bey dem Grossfürsten erworbener Credit auch mit einmahl gänzlich verschwunden». По наблюденіямъ Эстергази кредитъ Бестужева сталъ падать уже съ сентября 1752 года. Эстергази по прежнему былъ увѣренъ, что канцлеръ и Екатерина задержали дѣйствія Апраксина. «Benebst ist Euer Excellenz aus meiner... Berichten satsam bekandt, was abwechselenden Zusammenhang zwischen der Grossfürstlichen Herrschaft und Ihm, Er Bestoucheff zu errichten getrachtet, welches endlich dahin gekommen ist, dass durch seine Unterhandlung der Williams insonderheit die Gross-Fürstin zum Behuf derer Englisch-und Preussischen Absichten so weit gewonnen, dass der Feld-Marschall Apraxin die Kriegs-Operationen nicht ehender, als nach der von der Gross-Fürstin gegebenen Erlaubnus angefangen, welche Verzögerung aber leyder die üble Folgen nach sich gezogen, dass der vorige Russische Feldzug fruchtlos abgelofen ist».

Тайный рескриптъ Маріи Терезіи къ гр. Эстергази отъ 9-го января нов. ст. 1757 года. «So lange die jezige Russische Kayserin im Leben

¹⁾ Всѣ донесенія графа Эстергази помѣнены новымъ стилемъ.

bleibet, nicht leichtlich geschehen wird, dass entweder der Gross Canzler oder auch der Vice-Canzler gänzlich fallen und einer aus Zweyen völlig gestürzt werden sollte, indeme wir dir schon vor langer Zeit die gegründete Anmerkung bedeutet haben, wasmassen es der Russischen Kayserin Haupt-Grund-Satz zu seyn scheint, Ihrer eigenen Sicherheit und Ihrer Erhaltung auf dem Thron halber, die Entzweyung und Scheelsucht in dem Russischen Ministerio sorgfältigst zu nähren und lebendig zu erhalten. Um nun endlichen auf jenes zu kommen, was bey so gestalten Sachen von dir zu beschehen hat, so ist dir zwar ohnehin bevust, dass wir an die Domestica und personal-Händel anderer Höfe und auswärtiger Ministrorum keinen weiteren Antheil als einen solchen zu nehmen pflegen, welcher den Nutzen der Haupt-Geschäften befördern, oder den diesen Geschäften daraus bevorstehenden Schaden abwenden kan... Es kommet also dermahlen Alles darauf an, auf was Arth den üblen Folgen, so aus denen contradictorischen Gesinnungen des Gross Canzlers und des grossfürstlichen Hofes entstehen könnten, wohl begegnet werden möge. Das gedeyllichste Mittel hierzu wäre freylich jenes, wann man, ohne zugleich die Russische Kayserin zu beleydigen, des Grossfürstl—n Hofes vorzügliches Vertrauen auf unsere Seite ziehen und du selbst dessen Wohlwollen gewinnen könntest als welches wir für einen Haupt glücklichen Zufall anseheten. Отсюда предписание: Dass, obschon es ebenfalls ohnmöglich ist, den Gross Canzler und den Vice Canzler unter einem Huthe zu bringen und beyde zugleich für sich zu haben, des einen und des anderen jedoch sich zu dem nehmlichen Endzweck geschickt und vorsichtig zu bedienen ist...».

Рескриптъ для гр. Эстергази отъ 26 марта 1757 г. «Zur Beförderung des bekannten Hollsteinischen Austausch-Geschäftes hast du dich auch in Zukunft freundschaftlich, zugleich aber unverfänglich und auf eine solche Art zu verwenden, welche dich keiner Gehässigkeit bey dem Gross-Fürsten aussetzen möge. Hiebey aber ist vorzüglich darauf zu sehen, dass der dänische Hof in dieser Angelegenheit dergestalten begünstiget werde, dass er nicht von und nach Erhaltung dessen, so er wünschet, Aulass nehme, sich völlig auf die Hannoverische Seite zu schlagen, da sich der Berichtigung dieses Austausches vielmehr statt eines Mittels zu bedienen wäre, um Dännemarek von der abgeneigten Seite gänzlich abzuziehen und sich von demselben Hofe dessen Beytritt zur Parthey der gerechten Sache auszudingen».

Рескриптъ гр. Кауница отъ 9 октября къ гр. Эстергази: «Der Betrag des Feld Marschallen Apraxin macht das ärgste vermuthen. Gewiss ist es, dass er mit dem Gross-Canzlern und dem Grossfürstl—n Hof in particular Correspondenz gestanden... aber ugewiss ist es, ob nicht sein Ruckmarsch aus Intriguen hergerühret und durch das Englische geld beforderet worden seye. Bey diesen critischen Umständen haben Euer Ellz mehr als jemahlen

alle vorsicht zu gebrauchen, damit Sie der Sachen weder zu viel, noch zu wenig thun und eines theils sich bemühen, der Russischen Kayserin May—tt die wahre Beschaffenheit der Sachen einsehen und die Urheber, wo nicht bestraffen, jedoch ausser Stand sezen zu machen, dass sie nicht weiter schaden können, anderen theils aber sich keine persönliche feindschaft noch den Nahmen eines Anklägers zuziehen».

Письмо Кауница къ гр. Эстергази 15 марта 58 г. въ отвѣтъ на его письмо отъ 26 февраля. «Euer Excell. werden ohnschwer ermessen, dass die darinnen enthaltene Nachricht von dem, was mit dem gewesten Gross-Canzlern H. Grafen Best. vorgefallen, hier für sehr wichtig angesehen worden Ich halte mich an die von Ihro May—tt bestätigte Grund Regel, dass sich der hiesige Hof in die Domestica anderer Höfen auf keine weisse einmischen, sondern nur seinen graden weeg fortgehen und das weesentliche der geschäften durch überzeugende freundschaftliche Vorstellungen zu betreiben sich begnügen wolle. So lang dem H. Gr. Best. das wichtige Amt eines Gross-Canzlern und die Besorgung der auswärtigen geschäften anvertrauet war, so hat man vor ihn, nicht so wohl wegen seiner Person, als in Rucksicht auf seine Monarchin alle Achtung getragen, und sich beflissen sein Wohlwollen und Vertrauen zu gewinnen».

Журналь операций русской арміи, пересланный барономъ С. Андрэ рофкригерату: «Den 31 Aug. und d. 1. Septb. 1756 ist die russisch. Kays Armée auf dem champ de bataille stehen geblieben, um das Te Deum zu halten, auch ihre und des Feindes Todte zubegraben und die blessirte fortzuschicken. Den 2 Sept brache die Armée auf und marchirte wegen vieler Wälder und Defileen nur eine Meil weit... Den 3—n in der früh wurde. H. Major von Papilla von dem mir Gdgst anvertrauten Regiment mit einigen Hussaren, um des Feindes Position zu recognosciren, abgeschicket, welcher auch biss gegen Welau an das Wasser gekommen, retournirte sodann wieder im Haupt-Quartier, nachdeme die armée ausgebrochen und sich bey Nuer (?) gelagert. Eben diessen Tag bin ich selbst voraus und eben den Weg biss gegen Welau gegangen, um den Augenschein einzunehmen, wie der Feind postirt stehe, hievon auch dem Feldmarchall alle Auskunft geben, mit dem Vorschlag, dass es Höchst nöthig seye auf einer Anhöhe nahe bey Welau posto zu fassen... D. 5 Sept. mit Anbruch des Tags bin ich selbst abermahlen mit 2 Hussaren und 1. Cossaquen Regiment, um obgedachte Anhöhe, welche nun noch mehrers verschanzt und besetzt worden, in Augenschein zu nehmen, recognosciren gangen und befunden, dass diese Nacht der Feind die Schantz besetzt behalten, es geschah aber beederseits kein Schuss, derwegen zuruckkehrte vnd davon Feldmarchalln rapport erstattete. Den 6 ist die Armée aufgebrochen vnd hat Ihren March biss Allenburg fortgesezet und in dassiges Lager eingeruckt. D. 7 und 8 ist Rasttag. Nach-

mittag kame die Nachricht, dass der Feind sein Lager hinter Welau verlassen vnd sich bey Tapiau gesezt, zu gleicher Zeit ist der Burgermeister von Welau mit 2 Geschwornen ankommen, welche aussagten, dass der Feind bereits vor etlichen Tagenseine Backköffen und übrige Equipage nacher Königsberg geschickt. Auf disse Nachricht liesse Herr Feld Marschall die ganze Generalität, wie auch H. Brigadiers und Obristen zusammenrufen und eröffnete denenselben vorstehende Nachricht, fragte letztere in meiner Praesence auf Ihre Ehre zusagen, wie lange Sie noch Proviand hätten, worauf einige declarirten, dass Sie auf 6—8, andere aber die in der Action viele Leuthe verlohren etliche wenige Tage mehr hätten; da nun disses zu weiterer Verfolgung des Feinds von vorbenambsten Personen nicht vor sufficient gehalten wurde, so ward beschlossen mit der Armée sich dem Magazin gegen Tilsit zu nähern, solche wieder mit Proviand zu versorgen und alssdann, wann zuvor die bey der Armée befindliche viele Krancke in Sicherheit gebracht und vor deren Verpfleg-vnd Versorgung die Anstalt vorgekehret, auch die Armée wider verstärckt worden, dem Feind aufs Neue zu Leib zugehen». Сообразно этому армія 9 сентября нов. ст. выступила изъ Allenburg'a на Пленсдорф, Jodlauken (13-го сентября здѣсь роздыхъ). «Den 14-t ruckte die Armee halbweg Insterburg in das Lager ein, von wannen der Obrist-Lieutenant Sibers alss Courier von der armée nacher Petersburg abgeschickt worden,... Eben dissen Tag kam die Nachricht ein, dass den 13-ten in der Nacht 2 Esquadrons Preussische Hussaren zu Gumbinen ankommen, das alldorten befindliche Meel-Magasin, so in 1000 Czettwett Meel bestanden und ungefähr 3000 Pressburger Mezen ausmachen möchte, gänzlichen ruiniret»... 15-го сентября нов. ст. армія достигла Инстербурга, а 21-го Зоммерау, откуда 23-го выступила въ Тильзитъ.

Донесеніе С. Андрэ Гофъ-Кригсъ-Рату отъ 24-го сентября изъ Тильзита. Здѣсь С. Андрэ сообщаетъ о русскомъ военномъ совѣтѣ отъ 7-го сентября нов. ст. у Алленбурга, о мнѣніи, что провианта осталось всего дней на 6, на 8. «Und also einhellig beschlosen (unerachtet nach der Hand die Nachricht eingeloffen, dass der Feld-Marschall Lehwald die Gegend Welau verlassen und sich gegen Königsberg zuruckgezogen) sich Ihren Magazins bey Tilsit zu nähern, Ihren March aber über Insterburg nacher Tilsit zu nehmen; Ich meines Orts suchte disses abzuändern und glaubte, dass vielbesser gethan seyn würde, den Marsch über Welau in die Gegend Labiau zunehmen, wodurch man den Churischen Haf gewinnen und Proviand genug an sich bringen könnte, zugleich in der Nähe bey Königsberg verbliebe. Alle meine Vorstellungen aber fruchteten nichts anders, alss dass man mir Versicherung gab, von Tilsit aus wider gegen Labiau vorzurucken und sich alsdann disses posto und des Churischen Haffs zu versichern».

Письмо фельдмарш. лейт. барона С. Андрэ изъ Мемеля отъ 20 октября нов. ст.: «Dass gleich einige Tage nach dem erhaltenen Sieg, wegen des nicht in Zeiten beschehenen Vorsehung der Mangel an Proviant sich gcäussert hat, dahero H. F. M. Apraxin nebst seinen übrign Herrn Generalen, wie er mir solches den 7 Sept. declarirt, den Schluss gefasst, sich zuruckzuziehen und dem Magazin, welches zu Tilsit ware und von wo aus man zwar die Promessen gethan aufs neue gegen dem Feind anzugehen, zunähern. Endlich aber so weit gekommen ist, dass wir biss hiehero gerucket seynd. Ich habe nicht ermanglet hierwider alle triftige Vorstellungen zu machen und im Gegentheil meine Vorschläge, wie und auf was Art der Feind weiters zu verfolgen seye, zuübergeben».

Гофкригсратъ отвѣчаетъ 11-го октября нов. ст. фельдмаршалъ-лейтенанту С. Андрэ на его письмо отъ 24-го сентября: «Obzwar daraus die erfolgte Zuruckziehung der Russischen Armée sehr unangenehm zu ersehen ware, so kommet es doch dermahlen noch darauf an, ob man den Strich Landes längst des Gilge — und Russe-Fluss biss Memel zu souteniren Vorhabens seye, welchen falls dann eine neuerliche Vorruckung wohl anzuhofen und wenigstens soviel dadurch gefruchtet wäre, dass das darendige Preussische Corp d'Armée in jenen Gegenden erhalten und demselben nicht gegen eine andere Seite sich zu wenden Luft gegeben würde... Inzwischen begreift man nicht, wie bloss der Abmangel des Proviant's diese Zuruckziehung veranlasset habe, da doch in dem eingeschickten Journal sich angemerket findet, dass durch die Preussische Hussaren eine nahmhafte Quantität Mehl zu Gumbinen ruiniret worden, mithin der vorgebrochenen Noth garleicht dadurch hätte gesteuert werden können, wann nicht nur sothanes Proviant, sondern noch ein mehreres hieran aus denen etwa auch weiters zuruckliegenden Magazinen der Armee nachzuschieben und vor denen feindl. Anfällen sicher zu stellen, der vorsorgliche Bedacht genohmen worden wäre».